

Ната Лакомка

ЖЕНА ПАЛАЧА

Ната Лакомка

Жена палача

«Топ Груп Бук»

2020

Лакомка Н.

Жена палача / Н. Лакомка — «Топ Груп Бук», 2020

Он прячет лицо под маской, он - человек вне закона, убийца, и от такого благородным девицам следует держаться подальше. Я приехала в столицу, чтобы удачно выйти замуж, и не знала, что встреча с Сартенским палачом станет встречей с судьбой.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Саргенский палач	7
Глава 2. Новая встреча	11
Глава 3. Маска	16
Глава 4. Лента и свеча	23
Глава 5. Ужасная осень	31
Глава 6. В логове палача	35
Глава 7. Ночь в доме палача	40
Глава 8. Прикосновение, обжигающее сердце	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ната Лакомка

Жена палача

Пролог

– Только не забредайте далеко, форката Виоль! – крикнул мне вслед фьер Лампье. – Места тут спокойные, но мало ли что!

Я помахала ему рукой, что слышу, и углубилась в чашу.

Наша карета застряла милях в десяти от города Сартена, где ждали меня тётя и дядя, а ремонт поломки грозил затянуться до вечера. Я была не единственной дамой-путешественницей – официально меня сопровождала уважаемая фьера Лампье, но сейчас она устроилась в тени деревьев и задремала, а мне спать не хотелось. День выдался ясным, что было удивительно для осени, и я брела по желто-красному ковру опавшей листвы, подставляя лицо солнечным лучам, так ласково льющимся с небес.

Лес внезапно закончился, и я очутилась перед рекой – маленькой речкой, сбегавшей с гор. Я спустилась к самой воде, которая так заманчиво плескалась у каменистого берега, но опустив пальцы в воду, сразу отдернула руки – вода была ледяная! Нет, купаться я точно не собиралась, но с удовольствием бы умылась, чтобы освежиться с дороги. Только умываться ледяной водой?! Благодарю покорно.

Лучше подожду, когда окажусь в доме у тетушки Аликс. А пока можно просто наслаждаться красивым видом.

Я села на ствол поваленного дерева, поглядывая по сторонам.

Все-таки, Сартен – красивое место. Гораздо красивее, чем мой родной город. Лес здесь был – как с картинки в книге про волшебников. Таинственный, тихий, с огромными деревьями, еще украшенными огненной, золотой, багряной листвой. Ветра не было, и разноцветные листья медленно опадали с ветвей. Листья кружились, тихо опускались на поверхность реки и плыли по течению – словно огненная флотилия.

Я поплотнее запахнула накидку, потому что успела замерзнуть, но уходить не хотела.

Мне было спокойно и хорошо, и я думала о том, что скоро увижу тетю, и старшую сестру, которая три года назад вышла замуж. Я немного поплачу, вспоминая родителей, но тетя скажет что-то доброе и правильное, и я пойму, что любое горе рано или поздно забывается, а на смену ему приходит счастье. И я поверю в это, потому что быть не может, чтобы счастье не приходило к любой благородной и благовоспитанной девушке.

Шорох и треск валежника заставили меня посмотреть в сторону, и я замерла от ужаса и негодования, потому что из кустов по ту сторону реки вышел мужчина, и он был совершенно голый... Нет, не совсем голый – на нем были подштаники, но я никогда раньше не видела мужчин, которые разгуливали бы среди белого дня с голым торсом и голыми ногами. И это осенью!..

Надо было встать и уйти, сохраняя достоинство, но я не сделала ни того, ни другого. Наверное, я просто не ожидала увидеть здесь кого-то, а может, испугалась слишком сильно, потому что мужчина был... в маске. В кожаной полумаске, закрывавшей его лицо от корней волос надо лбом до самых губ. Был виден подбородок с ямочкой, упрямо выдающийся вперед, копна непокорных темных волос падала на плечи.

Странно, но мужчина держал в руке букетик цветов – чахлах, уже побитых первыми ночными заморозками.

Кому понадобилось рвать цветы на том берегу реки, и почему он прячет лицо?

Мужчина в маске взял букетик в зубы, вошел в реку и поплыл. Течение сносило пловца в мою сторону, и это привело меня в чувство.

Я вскочила и бросилась бежать, но, оказавшись под сенью багряных крон, остановилась. Страх и любопытство боролись в моей душе, и хотя подглядывать за полуголым человеком было недостойно благородной девушки, я оглянулась.

Мужина как раз вышел на берег и первым делом заботливо отряхнул букетик, держа цветы за кончики стеблей. Штаны на нем намокли и облепили мускулистые бедра и... и еще кое-что, о чем благовоспитанным вилкам не полагалось даже задумываться. Следовало отвернуться, но я продолжала смотреть. Было в этом мужчине какое-то пугающее очарование. Конечно, только безумец вздумал бы купаться в такое время! Но как этот безумец гармонично смотрелся на фоне реки, под сенью алого клена... И маска...

Я была слишком неосторожна, потому что мужчина резко вскинул голову и заметил меня.

И опять вместо того, чтобы убежать или хотя бы отвернуться, меня словно сковало невидимыми цепями, а дыхание пресеклось. В тот момент я и подумать не могла, какие странные и страшные события меня ожидают, и какую роль в моей жизни сыграет мужчина с букетом увядших цветов. Но людям не дано предвидеть будущее, и вместо страха я почувствовала волнение, непонятное томление и... восторг.

Я продолжала смотреть на мужчину, а он, в свою очередь, разглядывал меня, ничуть не смущаясь своей наготы. Потом он поклонился – очень изящно, но не без насмешки.

Кровь бросилась мне в лицо, я опомнилась и побежала в сторону дороги, где меня ждала карета, давая себе слово, что никому не расскажу об этой случайной встрече и никогда не стану ее вспоминать.

Глава 1. Сартенский палач

– Девочка моя! Ты стала такой красавицей! – тетя Аликс обняла меня и расцеловала. – Боюсь, Клоду придется нанять охрану, чтобы обороняться от молодых людей, которые скоро начнут осаждать наш дом с предложениями руки и сердца.

Конечно же, тетя шутила, но мне было приятно слушать ее.

Мы сели в открытую карету, и хотя я все еще была в трауре, а по улицам ехали экипажи с милovidными и нарядными барышнями, я то и дело замечала устремленные на меня заинтересованные взгляды мужчин.

– Виоль, посмотри-ка, – тетушка повела глазами в сторону, – это фьер Сморрет-младший. Из очень хорошей семьи и, по-моему, ты поразила его воображение.

Я невольно посмотрела, куда она указывала, и увидела молодого человека в сером при-таленном камзоле, в бархатном плаще, отороченном мехом, с тростью под мышкой. Юноша стоял на тротуаре, сняв шапку, как будто собирался поклониться. Он глядел на меня, и лицо его выражало восторг и растерянность. Я поспешила спрятаться за тетю, потому что такое неприкрытое внимание меня смутило.

– Это Сартен, моя дорогая, – улыбнулась тетя, – не надо смущаться. Здесь ценят красоту.

– Но я еще в трауре, тетя, – запротестовала я.

– Но траур заканчивается в этом месяце, – мягко сказала она, потрепав меня по руке. – Мы завтра же поедем к модистке и закажем для тебя дюжину платьев. Я видела новый муслин – нежный, мягкий, очень приятной расцветки, из него получится прелестное платье на выход. Я так рада, что ты приехала, наконец. Уладила дела с домом?

– Да, все продала, – кивнула я, – и дом, и участок, а деньги положила в банк. Спасибо, что прислала юриста. Без него я не знала бы, что делать.

– Все будет хорошо, – сказала тетя, хотя я ни на что не жаловалась.

Мы выехали на площадь, и карета остановилась, потому что путь нам преградила толпа. Люди теснились, толкались, едва не бросаясь под копыта лошадям. Тетя привстала, пытаясь рассмотреть, что происходит, а потом огорченно вздохнула:

– Ну вот зачем надо было ехать через центр? Сейчас застрянем здесь на полчаса.

– А что происходит? – я забеспокоилась, потому что люди вокруг вели себя очень возбужденно – что-то обсуждали, на что-то спорили, и все лезли к середине площади, где находился деревянный постамент со столбом посредине. Некоторые даже залезали на деревья и устраивались на толстых ветках.

– Будет казнь, – сказала тетя, страдальчески оглядываясь. – Признаться, не хочу, чтобы ты это видела. Мы могли бы пойти пешком, но тут такая толчея – нас просто раздавят.

Я никогда не видела казни, потому что в маленьком городке, где мне привелось вырасти, попросту не было таких преступников, которых по закону полагалось казнить.

Толпа вдруг расступилась, давая дорогу, и к деревянному помосту проехал мужчина на черном коне. Мужчина был одет в черное, голова повязана черным платком – на пиратский манер, а лицо скрывала полумаска из некрашеной кожи. Человек в маске производил гнетущее впечатление, и даже толпа присмирела. Я вздрогнула, узнав пловца, которого встретила в лесу, и тетя обняла меня за плечи.

– Кто это? – спросила я шепотом, уже зная ответ.

– Палач, – сказала тетя. – Объявления о казни не было. Значит, казнить будут государственного преступника. Говорят, недавно был раскрыт заговор против его величества... Барон Мессерер интриговал в пользу принца...

Из толпы выбежала женщина с безумным и бледным лицом. Она бросилась к палачу и вцепилась в стремя, протягивая кошелек. Палач подставил ладонь, и женщина положила кошелек ему в руку.

– Зачем она дает ему деньги? – спросила я.

– Это – баронесса Мессерер, – ответила тетя Аликс. – Жена изменника. Она просит, чтобы мужа казнили быстро и без мучений.

Я была потрясена и почувствовала дурноту, но отвернуться не смогла. Так же, как и тогда, у реки. Но тогда мною двигало любопытство, а здесь... здесь был страх, который удерживал еще вернее.

Палач спешил и снял притороченный к седлу длинный сверток, после чего поднялся на помост, ожидая осужденных. Их привели тут же – двух мужчин со связанными за спиной руками. Один был постарше, другой помоложе.

– Барон и его сын, – прошептала мне на ухо тетя. – Молодой Мессерер тоже участвовал в заговоре.

Судья зачитал приговор, но я мало что расслышала – голос у судьи был тонким и слабым, и почти каждую его фразу люди, собравшиеся на площади, начинали обсуждать, громко переговариваясь.

– Барона казнят, а его сына король пощадил, – объяснила мне тетя, которая слушала не судью, а стоявших рядом. – Фьер Поклюс говорит, что младшему Мессереру полагается пятнадцать ударов кнутом и ссылка. Его величество милосерден... Отвернись, Виоль.

Я спрятала лицо у нее на плече, но все равно смотрела, прикрыв лицо растопыренными пальцами. Ужасное зрелище! И это в первый мой приезд в Сартен – в столицу нашего королевства. Я суеверно подумала: нет ли в этом дурного предзнаменования?

Священник исповедовал осужденного, и барона поставили на колени, уложив головой на плаху. Палач развернул длинный сверток и вынул оттуда двуручный меч. Клинок ослепительно блестел на солнце, и я задрожала, когда палач поднял его.

Я зажмурилась, когда меч полетел вниз, но не догадалась закрыть уши и вздрогнула от раздавшегося глухого стука. Толпа ахнула, а потом восторженно и возбужденно зашумела, где-то заплакала женщина.

– Одним ударом, – сказала тетушка, глядя меня по затылку, – пусть он и предатель, но хорошо, что смерть была быстрой.

Она не позволила мне смотреть, пока не убрали труп, но потом отпустила, и я снова поглядела на помост для казни. Помощник палача замывал место казни, выливая одно за другим два ведра воды. Красноватые потеки побежали по доскам, и я зажала рот ладонью, сдерживая подступившую к горлу тошноту.

Второго осужденного уже привязывали к столбу, оголив спину, и толпа бесновалась, выкрикивая проклятья и оскорбления изменнику.

Палач убрал свой страшный меч и достал кнут – черный, с деревянной рукоятью, отполированной до блеска. Палач снял с себя рубашку, тоже оголившись до пояса, и стало видно, как бугрятся мышцы на его руках и плечах. Он как будто состоял из одних мускулов и был загорелый почти дочерна. Я уже видела его – почти обнаженного, но сейчас смотрела, как в первый раз. И даже кровавая расправа над изменником отошла на второй план... Я укорила себя, что греховно глазею на мужчину, когда только что наблюдала насильственную смерть, но продолжала смотреть, удивляясь тому, как по-разному воспринимается мужская красота. Если на берегу реки, под сенью алых клёнов палач казался мне воплощением дикой природы, первозданной стихии, то теперь он был грозен и страшен, и я невольно обняла себя за плечи, дрожа, как от сквозняка.

Кнут зазмеился по помосту, взлетел – и обрушился на спину осужденного.

– Раз! – отсчитывала толпа удары. – Два! Три!..

Я наблюдала за бичеванием, вздрагивая от страха и отвращения. При каждом ударе осужденный вскрикивал и дергался на привязи, а на его коже вспухал красный рубец. Палач наносил удары размеренно, и ни разу не промахнулся, будто кнут был продолжением его руки.

Пятнадцать ударов были нанесены, но толпа, разгоряченная видом крови, не могла успокоиться.

Люди напирала на впереди стоящих, кто-то кричал, что изменник получил мало, и надо казнить его, как и отца.

Я вцепилась в тетю – мне показалось, что сейчас нашу карету захлестнет и опрокинет людское море.

– Господи, они словно животные! – пробормотала тетя.

– Убить его! – крикнул кто-то в толпе, и крик подхватили сотни голосов. – Убить! Казнить! Как отца! Смерть изменникам!..

Несколько мужчин бросились на помост, готовые вцепиться в младшего Мессерера, но их остановили гвардейцы с алебардами наперевес. Тогда в осужденного полетели камни – сначала мне показалось, что это черные птицы, которые зачем-то пронеслись над толпой.

Палач оказался невероятно быстрым – он заслонил собой привязанного к столбу преступника, и один камень попал палачу по спине, а другой прилетел прямо в голову. Это остудило нападавших, и гвардейцы даже не успели схватить зачинщиков – толпа поглотила устроивших самосуд, и стало тихо – невероятно тихо.

Мы все смотрели, как палач медленно поднял руку, прижав ладонь к затылку, а потом отошел от сына барона и взял свою рубашку. Я увидела алые пятна, где он брался за ткань, и прошептала тетушке, потрясенная до глубины души:

– У него кровь! Они разбили ему голову до крови! А он пытался защитить преступника...

– Мастер Рейнар всегда действует по закону, – торжественно кивнула тетя. На нее тоже произвел впечатление этот поступок.

– Почему вы называете его мастером? – удивилась я.

– Его так все называют, – пояснила тетя. – Хотя он не принадлежит ни к одной гильдии. Собственно, и фамилии у него нет, а называть палача просто по имени – как-то не очень... Поэтому – мастер Рейнар.

Нет фамилии... Я и представить себе не могла, что у кого-то в наше время может не быть фамилии...

Казни закончилась, но толпа не желала расходиться, обсуждая и повторяя то, что только что наблюдал весь город. А я молчала и не могла оторвать взгляд от палача. Он протер меч, кнут, убрал все в футляр, надел камзол...

– Его отец тоже был палачом, – вполголоса продолжала рассказывать тетя, – но его убили пять лет назад, а мать давно умерла. Он живет за городом, потому что палачам разрешается появляться в городе только во время казни.

– Почему?

– Таковы порядки, – тетя пожала плечами. – Так заведено уже много сотен лет. Палач не имеет права зайти в таверну, выпить пива, с ним никто не сядет есть, ему не позволено покупать продукты на рынке. Да и в лавках ему никто ничего не продаст. Палачи и их семьи – изгои.

– Бедная его жена... – произнесла я потрясенно. – И дети...

– Он не женат, – ответила тетя. – Кто же пойдет за такого?

Палач прикрепил футляр с мечом к седлу, стал в стремя, и толпа расступилась, давая дорогу вороному коню.

– Но его уважают, – продолжала тетя, тоже не отводя глаз от всадника в черном. – Он – палач от Бога. Есть правило, по которому палача топят, если он не может отрубить голову с трех ударов. Мастер всегда отрубал с одного.

– Сомнительное геройство, – ответила я.

– На самом деле, это очень важно, – со вздохом сказала тетя. – Палачей ненавидят и презирают, но без них никак. Кто-то должен убивать преступников, вести дознание, применяя пытки, судить женщин легкого поведения, прогонять прокаженных. Но сам палач – бесправен. Он даже не гражданин города, он сам по себе. А мастер Рейнар еще и лекарь.

– Палач – лекарь?!

– Да, – тетя сдержанно усмехнулась. – Что тебя удивляет? Кто, как не палач, знает, устройство человеческого тела? Когда в прошлом году во время охоты кабан порвал бедро фьере Клайфорду, думали, что бедняга не выживет. Фьера Клайферд побежала к мастеру, и тот выправил кости и зашил рану так, что теперь фьер только немного прихрамывает, а ведь от него отказался даже королевский лекарь... И еще мастер прекрасно разбирается в травах. Лучше королевского аптекаря, можешь мне поверить.

Разбирается в травах...

Я вспомнила чахлый букетик. Так вот что это были за цветы... Какие-нибудь лекарственные растения. А не букет для прекрасной дамы, как я сначала подумала. Букет... да это просто глупо... Зачем такому человеку дарить женщине цветы?.. Это так же нелепо, как покрасить меч в розовый цвет и расписать незабудками.

Мастер Рейнар проезжал мимо, и на мгновение наши глаза встретились. Всего мгновение – но я увидела, что глаза у палача черные. Даже невероятно, что у человека могут быть такие черные глаза – радужка почти сливалась по цвету со зрачком. А может, виной тому была маска, не позволявшая солнцу заглядывать в эти глаза?.

Мне показалось, будто на меня набросили невидимые колдовские путы, которые потянули к этому страшному человеку в маске. Потянули медленно, но неотвратно. Наваждение было настолько сильным, что я привстала с сиденья, словно собираясь тут же последовать за всадником на черном коне.

– Виоль, ты куда? – шепотом окликнула меня тетя и дернула за юбку, заставляя сесть обратно.

Наверное, палач узнал меня, потому что вдруг резко отвернулся. Слишком резко – будто мой вид причинял ему боль. И едва связь наших взглядов была разорвана, я словно освободилась от колдовских цепей, осознав, что нахожусь на площади, полной людей, сижу в коляске, вцепившись в ее борт, и что тетя поторапливает возчика ехать поскорее.

Но разве бывают такие черные глаза?..

Глава 2. Новая встреча

Жизнь в столице оказалась интересной и необычайно приятной. Дядя владел водяной мельницей, расположенной в очень живописном месте, на берегу реки, недалеко от Сартена. И в первую же неделю, подгадав денек потеплее, моя старшая, уже замужняя сестра Лилиана, устроила пикник в честь моего приезда.

Были приглашены несколько благородных девиц и молодых замужних дам, а сопровождали нас тётя и дядя, чтобы придать надлежащей строгости нашему легкомысленному выезду. Мы с тетей, как и большинство приглашенных, ехали в коляске вместе с Лилианой, но некоторые дамы пожелали проехаться верхом.

Одна из них – фьера Селена особенно хорошо держалась в седле. К шляпке её была приколата легкая вуаль, и когда молодая женщина гнала лошадь во весь опор, вуаль летела по ветру белоснежным облачком.

Я была не такой хорошей наездницей, чтобы осмелиться на далекую прогулку, поэтому предпочла коляску и втайне завидовала и восхищалась фьерой Селеной.

Моя сестра Лилиана была замужем третий год, но веселилась наравне с барышнями, которые только-только вошли в возраст невест – играла в жмурки и фанты, бегала наперегонки и шутила так, что все покатывались со смеху.

Сестра всегда была хорошенькой, а став женой фьера Гуго Капрета, секретаря королевского суда, вообще расцвела. Она одевалась теперь по последней моде, и трудно было сказать – платье идет ей или она платью.

– Гуго уехал на несколько дней, – рассказывала Лилиана, пока мы, набегавшись вдосталь, сидели в тени клёнов и с аппетитом уничтожали разные вкусности, разложенные на покрывале – импровизированном столе. Чтобы не застудиться, Лилиана позаботилась разложить вокруг покрывала мягкие подушки и приказала служанке раздать всем козы пледы, – поэтому дом в полном нашем распоряжении. Сегодня хорошая погода, и я решила устроить пикник, а завтра приглашу всех на чай с самыми лучшими сладостями из лавки королевского кондитера.

Девушки и замужние фьеры поели и снова побежали играть в мяч и волан, а меня Лилиана удержала на месте.

– Так мило с твоей стороны, – поблагодарила ее тётя. – Виоль сможет познакомиться с девушками ее возраста, заведет подруг...

– На это и был расчет, – поддакнула сестра, встряхнув темными кудрями. – Ей надо поскорее снять траур и начать выходить в свет, чтобы когда начнутся зимние балы, о ней уже знали. К неизвестным дебютанткам всегда относятся с опаской, а так Виоль познакомится со всеми и составит о себе впечатление. У многих из приглашенных дам, – она таинственно понизила голос, – есть очень привлекательные братья. Уверена, один из них придется тебе по душе. Тогда не упusti его, сестренка.

– Я и не думала еще о замужестве...

– И зря, – решительно заявила Лилиана. – Об этом всегда надо думать. Чтобы выбрать самую достойную партию.

Сестра произнесла это с таким важным видом, что я не сдержалась и прыснула. И не смогла отказать себе в удовольствии подшутить над ней.

– Надо же, – сказала я невинно, передавая тете тарелку с кусочками поджаренной на углях курицы, – я думала, выбирать надо человека, а не партию.

Тётя засмеялась, но Лилиана всплеснула руками.

– Она ещё шутит! А я говорю серьезно, – рассердилась она.

– По-моему, – примирительно сказала тётя, – Виоль может похвалиться, что у нее есть кое-кто на примете.

– Кто же? – заинтересовалась сестра.

– Молодой Сморрет, – сказала тётя со значением. – Он видел ее в первый день приезда и теперь частенько появляется возле нашего дома – проходит мимо, зачем-то поглядывая на окна.

– Тётя, – упрекнула я. – Вы же знаете, что я к этому не имею никакого отношения.

– Ты не имеешь, – согласилась она, – а вот твоя красота...

– Тетя! – мне было и стыдно и смешно.

Но тётя и не подумала замолчать.

– Элайдж Сморрет – тот самый счастливчик, который и хороший человек, и достойная партия, – сказала она. – К сожалению, сестры у него нет, так что тут план Лилианы не сработает.

– Сморрет-младший, несомненно, богат, – задумчиво согласилась Лилиана, – но он такой манерный, как девица.

– Просто хорошо воспитан, – вступилась за него тётя.

– Ой, всё время хнычет про погоду и мигрень!

– Всего лишь умеет поддержать салонную беседу.

– В любом случае, решать мне, – прервала я их спор. – И пока я в трауре.

– Но это не мешает тебе отправиться поиграть в мяч, – сказала тётя, подмигивая мне незаметно для Лилианы. – Женихи никуда не денутся.

День промелькнул незаметно, и мы возвращались в Сартен уже в сумерках.

Сестра попросила возчика поехать другой дорогой, чтобы показать мне берег реки.

– Там как на картинах художников прошлого века, – рассказывала Лилиана. – Смотришь – и будто унесся душой во времена фей и эльфов.

Но когда мы выехали к реке, вовсе не живописные ивы привлекли мое внимание.

– Что это? – спросила я, указывая на каменный двухэтажный дом, выстроенный на холме.

Он утопал в рябиннике, отчего больше походил на черный корабль, плывущий по огненным волнам.

– Дом палача, – презрительно бросила сестра. – Ты совсем не туда смотришь.

– Там живет палач? Мастер Рейнар?

Лилиана поморщилась, но тётя объяснила мне, очень благожелательно:

– Да, это его дом. Он сам построил его. Больше похоже на крепость, правда?

– Правда, – кивнула я, глядя на темные окна. В них не было света, значит, хозяина не было дома.

– О, а вот и он сам, – пробормотала Лилиана. – Легок на помине.

Я не смогла сдержать сердечной дрожи, услышав её слова, а когда увидела черную фигуру на черном коне – задрожала и сама. Но это была не дрожь ужаса. Страх, томление и восторг... Какая удивительная смесь чувств... Удивительная и непонятная... Но именно это я переживала сейчас.

Возчику пришлось придержать лошадей, чтобы пропустить виллана, который ехал с мельницы на коляске, запряженной волами. Волы топали, сонно опустив морды, а их хозяин, увидев мастера Рейнара, торопливо стащил шапку, кланяясь. Палач тоже придержал коня, и виллан забормотал извинения:

– Вы простите, что я не пропустил... Эта тупая скотина если идет – её и дубиной не свернешь!..

Он уже проехал мимо палача, когда тот наклонился из седла и схватил с повозки наполовину полный мешок с мукой. Ударил коня пятками и поехал по дороге, даже не оглянувшись.

– На здоровье, мастер, – сказал виллан ему вслед, а когда палач отъехал на двадцать шагов, забористо выругался сквозь зубы.

– Он забрал у него муку? – спросила я, когда наша коляска тронулась с места. – Вот так просто? Разве это не воровство?

– Конечно, воровство, – фыркнула Лилиана, обмахиваясь платочком и презрительно кривя губы.

– Конечно, нет, – строго возразила тётя. – Палач не имеет права появляться на рынке, никто ему никогда ничего не продаст. Но королевской милостью он берет с торговцев налоги – часть берет продуктами, для себя.

Я не нашлась, что ответить на это. В нашем маленьком городе не было палача, и я не могла представить, что кому-то могут запрещать покупать себе еду.

Навстречу нам промчалась лошадь, и за шляпкой всадницы полосой белого тумана струилась вуаль.

– Куда вы, фьера Селена? – окликнула всадницу Лилиана.

– Забыла ленты на берегу! – ответила женщина, смеясь. – Не волнуйтесь! Я знаю дорогу домой!

– Не сомневаюсь в этом, – ответила сестра слишком уж любезно, и я с удивлением посмотрела вслед фьере Селене.

Возвращаться в сумерках за лентами? Вполне можно было забрать их завтра, при свете солнца, или даже послать за ними слугу. Белая вуаль трепыхнулась на ветру последний раз и скрылась из виду, за поворотом дороги, а Лилиана произнесла с раздражением:

– Как пить дать, кому-то назначила свидание. Все время заводит любовников – знают все, кроме мужа.

– Не следует говорить о подобном в присутствии Виоль, – одернула её шокированная тётушка. – Пощади невинные уши!

– Пусть привыкает, – сказала сестра, как отрезала. – У замужней женщины только два пути – либо изменяет она, либо изменяют ей.

Я покраснела от такой откровенности, и тётя успокаивающе похлопала меня по руке, а потом кротко спросила у Лилианы:

– И к какой категории женщин относишься ты?

– О! – Лилиана посмотрела на неё, вскинув брови, и рассмеялась. – Вы правы, тётя Аликс, нельзя судить других. Я попала в свою же ловушку. Да, Виоль, иногда брак заключается на небесах. Как у нас с Гуго, к примеру. Постарайся найти себе такого же мужа, как мой Гуго – и всё у тебя будет прекрасно.

Но мне неловко было говорить о будущем муже, и я перевела разговор сначала на очаровательный вид плотины, а потом на того, узнать о котором мне было и страшно и интересно – как послушать одну из сказок про драконов и магических чудовищ, которые в далеком детстве рассказывала кормилица.

– Почему мастер Рейнар всегда в маске? – спросила я у тёти. – Это пугает...

– Все палачи носят маски, – тётя пожалала плечами. – Во время казни. Но мастер носит и в свободное время. Наверное, ему так удобно.

– Или он страшной летучей мыши, – сказала Лилиана. – Говорят, что он очень уродлив, что во время пыток один из преступников откусил ему нос.

– Да что ты?! – пробормотала я.

– А еще говорят, что на лице у него печать дьявола, – продолжала сестра. – Я думаю, это именно так, потому что все палачи прокляты, пусть церковь и предоставляет им пожизненное освобождение от греха.

– Пожизненное освобождение? – я понятия не имела, что такое возможно.

– Да, по булле Великого Понтифика, – Лилиана не обращала внимания на тётю, которая похлопывала по руке уже её. – А ещё некоторые убеждены, что у палача звериное лицо. Возможно, и это правда – ведь разве будет нормальный человек собирать с проституток налог не только деньгами.

– Лил! – одернула ее тётя.

– Не деньгами? – спросила я растерянно. – А чем же?..

– Самими девицами, – многозначительно сказала Лилиана. – И не надо так лупить меня, тётушка! Об этом все знают, и Виоль – не невинная овечка. Да и сами подумайте – с кем еще может связаться палач? Ни одна уважающая себя женщина не согласится выйти за него. И каким образом эти грешницы-блудницы избегают прилюдной порки? Конечно, расплачиваются собой. Куда только смотрит церковь! – она досадливо взмахнула рукой и откинулась на сиденье коляски, обитое мягкой тканью.

– Это всего лишь одна из обязанностей мастера Рейнара, – пояснила тётя, сердито посматривая на Лилиану. – А ещё он прогоняет от города прокаженных, чистит сточные каналы и убирает падаль с улиц. Чтобы такие, как наша чистюля Лилиана, не страдали от болезней и зловония.

Сестра фыркнула и отвернулась.

– Какие жестокие законы, – только и смогла произнести я.

– Да, палачам в этом мире живется не слишком сладко, – сухо ответила тетя. – Но без них – никуда. Можно презирать их, можно бояться, но кто-то должен делать и эту работу.

– Жестокие законы, – повторила я. – Почему король не отменит их, тётя Аликс?

– Это не закон, – объяснила она. – Просто так живут люди, и все привыкли. Это обычай. Обычай...

До Саргена я доехала, как во сне. Увиденное и услышанное смутило меня необыкновенно. Я пыталась понять – похож ли человек, которого я видела выходящим из реки, и который заслонил преступника от побивания камнями, на того несчастного без прав и защиты, о котором говорила тетя. Маска... зачем она ему?.. И в самом деле – прячет уродливое лицо?.. Как же несправедливо обошлись с ним небеса, если такое красивое тело венчает уродливая голова?

Но я вспомнила подбородок с ямочкой, твердый абрис губ...

Звериное лицо? Нет! Точно не звериное!..

Приехав домой, я приняла ванну, поужинала с тётей и дядей, пожелала им спокойной ночи, поднялась к себе в комнату, но мыслями находилась возле дома на холме, в зарослях огненных рябин.

Горничная закрыла ставни и потушила свечи, и я долго лежала в темноте, не закрывая глаза, хотя не видела ничего, кроме черноты.

Неужели, палач пользуется услугами женщин из Нижнего города? Это низко... и мерзко...

Уже засыпая, я вспомнила, как тетушка хвалила фьера Сморгрета. Хороший человек и достойная партия... Ведь именно это нужно девушке...

Именно это...

Достойная партия...

Хороший человек...

Я увидела себя не в постели, а на деревянном постаменте посреди площади. Вокруг бушевало людское море, требуя моей казни. Я была привязана, совсем как младший Мессерер, только не лицом к столбу, а спиной, и ко мне подходил палач – обнаженный до пояса, зловеще горя тёмными глазами из-под маски. В руках у него был кнут, но он почему-то отбросил его и подошел ко мне вплотную... Так близко... Так горячо... Словно огненный поток метнулся ко мне, грозя пожрать, испепелить в одно мгновение!.. Палач медленно поднял руку и... снял маску.

Раздался женский крик – тонкий, полный ужаса, и я, вскрикнув, села в постели, уставившись в темноту.

Это был сон. Пугающий, невероятно реальный сон.

Но что меня испугало? То, что было под маской?..

Свернувшись клубочком, я постаралась не думать ни о чем, чтобы опять не начали сниться кошмары. Но как ни старалась – не могла забыть того чувства близости и огня, что охватили меня во сне.

Глава 3. Маска

Проснувшись утром, я с трудом могла вспомнить испугавший меня сон. Площадь, заполненная людьми... моя казнь... Какая глупость. Разве я могу совершить что-то, за что могут приговорить к смерти?

Палач...

Склонившись над тазом для умывания, я замерла, глядя на собственное неясное отражение в воде. Сон почти забылся, а вот ощущение пламени, охватившем меня при приближении палача, было очень ярким...

Опомнившись, я начала плескать водой в лицо, чтобы окончательно развеять ночные кошмары.

Тётя и дядя уже сидели за столом, и служанки расставляли чашки и тарелки, и раскладывали серебряные столовые приборы.

– Сегодня Лилиана опять устраивает дамские посиделки, – сказала тётя. – Заглянем к ней вечером, а пока можем прогуляться по парку. Ты ещё не видела наш парк – это самое красивое место в королевстве! Статуи, фонтаны...

Позавтракав, мы с тётей отправились на прогулку. Мы не спеша прогуливались по дорожкам парка, любуясь алой и золотой листвой, фонтанами, которые еще шумели, и мраморными статуями, изображавшими фей и эльфов, о которых вспоминала Лилиана.

– Доброе утро, фьера Монжеро, – из зарослей сирени нам навстречу вышел молодой человек, в котором я сразу узнала Сморрета-младшего.

Он опять был в бархатном плаще, но под ним виднелся камзол темно-красного цвета, и из поясного кармашка к петличке тянулась толстая золотая цепь от часов. Сняв шляпу и сунув трость под мышку, фьер Сморрет поклонился нам, заговорив с тётей, но глядя на меня.

– Чудесная погода, как раз для прогулки, – сказал он приятным, звонким голосом, кланяясь ещё и ещё.

Юноша был не слишком высок ростом, но хорошо сложен. Одежда сидела на нем, как влитая, и туфли были новенькие, начищенные до зеркального блеска. У него были светло-серые глаза, опущенные густыми ресницами, и я совсем некстати вспомнила слова Лилианы, что Сморрет-младший похож на девицу.

В самом деле – не личико, а картинка. Такое больше подошло бы какой-нибудь юной форкате. Я чуть не хихикнула, но сдержать улыбку не смогла.

– Вы просто гуляете или идете куда-то по делу? – спросил фьер Сморрет, явно обрадовавшись моей улыбке. – Это ваша племянница, фьера Монжеро?

– Моя младшая племянница, – подтвердила тётя важно, хотя в глазах у нее так и плясали смешливые искорки. – Виоль, хочу представить тебе фьера Элайджа Сморрета. Его отец – кварталный глава, а сам фьер Элайдж обучается в университете права. Он будет адвокатом, и уже сейчас ему прочат самое блестящее будущее.

– Вы преувеличиваете мои способности, – засмеялся Сморрет. – Мне еще два года учиться, кто знает, что будет дальше.

– Я в вас уверена, – пылко заявила тётя. – Виоль, обрати внимание, что фьер Сморрет необыкновенно скромно.

– И это, скорее, недостаток, чем достоинство, – сказал юноша. – Мне потребовалось несколько дней, чтобы набраться смелости и подойти к вам, форката Монжеро.

– Думаю, вам лучше называть ее по имени, – подсказала тётя. – У неё красивое имя, верно?

– Такое же красивое, как она сама, – подтвердил Сморрет.

– Вы совсем меня засмушили, – я почувствовала, что краснею и пошла по дорожке, а тётя и Сморрет-младший зашагали следом за мной.

Я слышала, как они разговаривали об общих знакомых, тётя справилась о здоровье матушки фьера Сморрета, а потом упомянула, что Лилиана собирает вечером гостей на чай.

– Будут форката Анна Лестраль, форката Эмилия Эльтес, фьера Элизабет Монтес, фьера Селена Карриди...

– Но мужчин туда, похоже, не приглашали, – ответил Сморрет с шутливым сожалением.

– Я обязательно намекну Лилиане, что вы мечтаете побывать у нее в гостях.

– Вы правы – просто мечтаю, – проговорил Сморрет с нажимом.

Наверняка, чтобы я услышала. Он не мог видеть моего лица, и я улыбнулась. Какой настойчивый молодой человек. Очаровательно настойчивый.

На выходе из парка мы распрощались с фьером Сморретом, но шагов через двадцать тётя оглянулась.

– Стоит и смотрит на нас, – хихикнула она, как проказливая девчонка. – Заметила, что он явно принарядился? Красный камзол, золотые часы... Ты ему понравилась, Виоль.

– Камзолу? – пошутила я, чтобы скрыть смущение.

– Фьеру Элайджу, – мягко сказала тётя. – Я это сразу заметила, еще при первой встрече. А он тебе понравился?

– Он очень приятный, очень мило держится, – ответила я уклончиво.

– Что ж, пока остановимся на этом, – сказала тётя с притворным сожалением.

Мы вернулись домой, и не успели ещё снять уличные башмаки, как в прихожую вылетела тётюшкина служанка – Дебора. Глаза у нее были огромными и испуганными.

– Что делается, фьера! – быстро зашептала она, помогая нам снять плащи. – Приехал королевский дознаватель, он с фьером в кабинете!

– Фьер Ламартеш? – встревожено спросила тётя. – Разговаривает с моим мужем? Но что случилось?

– Не знаю, – Дебора всхлипнула. – Но он сказал, что когда вы появитесь, чтобы сразу зашли в кабинет.

– Да что такое? – тётя начала развязала ленты шляпки, сняла её и бросила на руки служанке. – Сейчас я к ним поднимусь.

– И форката тоже, – пискнула Дебора. – Королевский дознаватель сказал, чтобы форката тоже зашла.

– Виоль?! – изумилась тётя. – Ты ничего не путаешь?

Но наверху уже раздались шаги, и дядя, перегнувшись через перила, позвал:

– Аликс, дорогая, это ты? Виоль с тобой? Зайдите ко мне в кабинет, пожалуйста.

Мы с тётей переглянулись и поспешили подняться по лестнице.

– Ума не приложу, что там стряслось, – тётя нахмурилась. – Надеюсь, мой муж не наделал долгов!

– Что вы, тётя, – успокоила я её, – дядя никогда не станет рисковать.

– Кто их разберет, этих мужчин? – немного сердито ответила она.

Дядя распахнул перед нами двери кабинета, тётя вошла первой, я за ней.

– Добрый день, фьера Монжере... форката Монжере... – из дядиногo любимогo кресла навстречу нам поднялся мужчина средних лет, седой, с необыкновенно светлыми глазами на смуглом лице. Взгляд этих светлых глаз, казалось, заглядывал в самую душу. Голос у королевского дознавателя был мягким, негромким, но я сразу поняла, что эта мягкость – видимая.

Я никогда раньше не сталкивалась с офицерами Серого Двора, которые занимались расследованием преступлений, и теперь рассматривала дядиногo гостя с любопытством. Он не внушал того страха, что палач, но рядом с ним все мы почувствовали себя неуютно, хотя ни в чем – я уверена! – не были виноваты.

– Аликс, дорогая, – сказал дядя каким-то странным голосом, зачем-то снимая и протирая свои очки, – произошла трагедия...

– Клод, не пугай меня, – тётя схватилась за сердце. – Что произошло? Зачем здесь фьер Ламартеш?

– Позвольте, я объясню, – любезно предложил королевский дознаватель. – Только сначала присядьте, прошу вас, фьера... форката...

Когда мы сели, фьер Ламартеш заложил руки за спину, кашлянул и сказал:

– Сегодня утром недалеко от мельницы была найдена фьера Селена Карриди. Её задушили.

Тётя приглушённо ахнула, прижав ладони к щекам, а я не сразу смогла осмыслить услышанное. Фьера Селена убита? Та самая смелая всадница, которая вчера мчалась на лошади, а белоснежная вуаль летела по ветру? Убита?..

– Убита? – эхом повторила тётя мои мысли. – Как это возможно?

– Не могу рассказать вам всех подробностей, – сказал королевский дознаватель. – Тайна следствия, вы должны понять. Пока меня интересует только, как фьера Селена вела себя на пикнике? Была задумчива? Встревожена?

– Совсем нет, – тётя обернулась ко мне за поддержкой, и я промычала что-то, отдаленно напомиравшее согласие. – Она была весела, шутила, я не заметила ничего необычного в её поведении.

– Форката? – дознаватель приподнял брови. – А вы? Ничего необычного?

– Совсем ничего, – ответила я. – Мы с ней не были знакомы до вчерашнего дня, и почти не разговаривали на пикнике, всего лишь играли в волан, поэтому не могу сказать, была ли она такая, как всегда.

– А вам не известно, зачем фьера Селена осталась? Вы все... – фьер Ламартеш методично перечислил всех, кто присутствовал на пикнике, – вернулись в Сартен, а фьера Селена зачем-то осталась.

– Она что-то забыла... – тётя в волнении переплела пальцы. – О, Боже! Она что-то забыла... Что она сказала? Минуточку... дайте мне время прийти в себя... Боже, Селена!..

– Она сказала, что забыла ленты, – произнесла я.

Дознаватель тут же перевел взгляд на меня.

– Она так сказала? – спросил он прежним, мягким тоном.

– Да, она проехала мимо нашей коляски. Лилиана окликнула, фьера Селена ответила, что заберет ленты.

Я замолчала, но взгляд дознавателя стал еще более пристальным.

– Это всё? – спросил он почти вкрадчиво.

– Да, – ответила я после секундной заминки.

Конечно, не всё! Лилиана сказала, что фьера Селена поехала на встречу с любовником! Вот только вряд ли я была вправе упоминать об этом. Это могли быть сплетни... Или нет?... А что, если я промолчу, и помогу убийце?..

– Вы уверены, что рассказали мне всё? – продолжал расспрашивать дознаватель. – Форката Монжеро? Это всё?..

– Конечно, – тётя заговорила немного резко. – Вы же не станете допрашивать мою племянницу, фьер Ламартеш? Ей незачем говорить неправду.

– Я не упрекал её во лжи, – возразил дознаватель, буравя меня взглядом. – Всего лишь спросил, не может ли форката сообщить мне ещё что-нибудь...

Сказать или нет? Сказать или нет?..

– Можно я поговорю с тётей? – спросила я совсем детским голосом. – Наедине?

– Наедине? – светлые глаза чуть прищурились. – Хорошо. Пяти минут будет достаточно, форката Монжеро?

– Вполне, – кивнула я.

Дядя и дознаватель удалились, и тётя взяла меня за руки:

– Что такое, Виоль? Тебе что-то известно?

– Тётушка, – прошептала я, – разве мы не должны рассказать фьеру дознавателю, что Лилиана упоминала про любовника фьеры Селены? Что она поехала к мельнице на встречу с ним?

– О, я и позабыла... – тётя задумалась, а потом сказала: – Да, ты права. Мы не имеем права скрывать эти сведения. Но не будем усложнять Лилиане жизнь. Всё-таки, это может оказаться сплетней – связь фьеры Селены... И я уверена, что это – глупые и недостойные сплетни. Но мы должны сделать всё, чтобы убийцу поймали... Вот что, – она крепко сжала мои пальцы. – Скажем, что ты услышала эти сплетни от кого-то из приглашенных дам, но от кого именно – не запомнила, потому что слушать подобное – это недостойно.

– Да, тётя.

– И ни слова о Лилиане, прошу тебя. Её муж – секретарь суда, не надо усложнять ему службу...

– Да, тётя.

Тётушка впустила дознавателя, и я рассказала ему о том, что услышала о встрече фьеры Селены с любовником. Не знаю, поверил ли мне дознаватель или снова понял, что я что-то скрываю, но он поблагодарил меня за эти сведения, заверил дядю, что больше не станет беспокоить меня и тётю, и попрощался, а дядя отправился его проводить.

Когда мужчины ушли, тётя попросила меня налить ей воды из графина.

– Как всё это страшно, – она покачала головой и отпила из бокала. – Бедная Селена...
Поверить трудно...

В этот день только и было разговоров, что об убийстве. Об этом шептались даже слуги. Тётя сердилась, но вечером приехала Лилиана и с порога заявила, что к ней приходил королевский дознаватель, и что она в ужасе, и боится ночевать одна в пустом доме.

– Оставайся, моя дорогая! – тётя обняла её, а Лилиана расплакалась, уткнувшись ей в плечо. – Когда Гуго возвращается?

– Через два дня, – Лилиана достала платочек и промокнула глаза. – Какая ужасная новость! Кто мог это сделать?..

Дядя вернувшийся из мужского клуба, по секрету рассказал нам последние новости относительно убийства. По подозрению был схвачен любовник фьеры Селены – некий мужчина из уважаемой семьи, чье имя скрывают, сейчас его допрашивали в Сером Дворе, допросы ведет палач.

– Что тут скрывать, – презрительно сказала Лилиана, всё ещё всхлипывая. – Это фьер Мартини. До этого она встречалась с фьером Жели, но у него уже давно другая любовница.

– Лил! – воскликнула тётя, но дядя смущенно хмыкнул.

– Вот, дядя со мной согласен, – Лилиана шмыгнула носом. – Где я буду спать?

– Если хочешь, мы устроим вас в одной комнате с Виоль, – сказала тётя, взяв Лилиану под руку. – Поболтаете перед сном, и вместе не так страшно...

– Нет, можно я лягу в отдельной комнате? – сказала сестра. – Прости, тётя Аликс, но я привыкла спать одна.

– Тогда постелю тебе в гостевой, – согласилась тётя.

Мы поужинали, а перед сном я заглянула к сестре. Лилиана сидела за письменным столом и что-то писала в толстой тетради, при свече. Когда я вошла, сестра сразу закрыла тетрадь и сдвинула ее на край стола.

– Зачем ты передала королевскому дознавателю мои слова про любовника Селены? – спросила Лилиана, постукивая костяшками пальцев по столу. – Кто тебя просил болтать,

Виоль? – в голосе ее не было и тени плаксивости, и она хмурилась, сводя к переносью красивые темные брови.

– Но разве мы можем молчать, когда произошло преступление? – удивилась я. – К тому же, мы с тётёй не нзывали твоего имени...

– Господи, Виоль, какая ты глупышка, – вздохнула сестра. – И прими совет – держи язык за зубами. Поменьше говори, побольше слушай, если хочешь выйти замуж и там остаться.

– Причем тут замужество? – искренне не понимала я. – Вспомни, как отец всегда говорил, что Монжеро должны говорить честно, а поступать – ещё честнее. Бедную фьеру Селену так жестоко убили, и мы должны помочь следствию...

Сестра досадливо отмахнулась от меня и встала из-за стола, запахивая бархатный халат.

– Запомни, каждая тварь получает по заслугам, – сказала она без тени сожаления. – Селена должна была дурно кончить – так и получилось.

– Даже если она изменяла мужу, смерть – это слишком жестоко, – возразила я.

– Виоль! – сестра закатила глаза. – Я же не слепая, я прекрасно вижу, что происходит в этом городе. И тебе советую прозреть. Можешь мне поверить, небеса всегда наказывают за грех. Всегда! А теперь – уходи, я хочу спать.

Она и в самом деле загасила свечу и нырнула в постель.

– Спокойной ночи, – пробормотала я и закрыла двери, немного обиженная, что она даже не пожелала поговорить со мной. А ведь раньше мы могли болтать ночами напролёт.

В отличие от сестры, я не сразу легла в постель, и не могла уснуть, думая о том, что случилось со фьерой Селеной. Какой ужасный и страшный конец. Её убили. Кто мог убить? Любовник? Из ревности? В нашем маленьком городке никогда не происходило убийств. И лишь краем уха я слышала, как наши кумушки-сплетницы рассказывают шепотом ужасы про зверские убийства которые, якобы, происходили где-то поблизости. Но тогда это казалось сказками – всего лишь выдумкой. А теперь...

Даже для такого огромного города, как Сартен, событие оказалось нерядовым. Несколько дней жителей лихорадило, и каждый считал своим долгом сообщить новые подробности, которые довелось узнать из «первого источника». Разумеется, всё это было только болтовнёй – так говорил дядя, и я ему верила. А спустя неделю вернулся муж Лилианы – фьер Капрет, и мы узнали о подробностях по-настоящему из «первого источника».

– Ее задушили лентой, – рассказывал фьер Капрет, уничтожая утиную ножку, тушеную с овощами в красном вине. – Знаете, такие широкие ленты из плотного шелка, которые дамы любят цеплять себе на шляпки?

– Боже мой, – пробормотала тётя, бледнея. – Именно за ними она и вернулась...

– Скорее всего, не за ними, – заявил фьер Капрет, поигрывая бровями. – Скорее всего, её кто-то там ждал.

– Любовник, кто же ещё, – поддакнула Лилиана.

– Не надо об этом, – попросила их тётя.

– Сначала подозревали Мартини, – муж сестры или не услышал тётину просьбу, или намеренно её проигнорировал. – Под пытками он всё отрицал, а потом выяснилось, что в вечер убийства он окучивал другую благородную фьеру...

– Поосторожней в выражениях, фьер, – оборвал его уже дядя. – Не забывайте, что здесь женщины.

– Прошу прощения, – без всякого раскаяния сказал Капрет. – Так вот, у него железное алиби, убийца – точно не он. Вышел из тюрьмы – и помчался, не оглядываясь. Бежал, даже хромя, – он хохотнул, показав длинные желтоватые зубы. – Палач хорошо над ним поработал. Повезло прелюбодею, что нога осталась на месте, да и мордочка у него уже не такая смазливая. Сейчас спрячется в свою родовую деревню, и больше носа в Сартен не покажет.

Я вздрогнула, услышав это. Мне, как наяву, представились темные тюремные казематы, освещенные тусклым светом факелов, крики, стоны... И мастер Рейнар – в маске, которая кажется страшнее самого уродливого лица! Воспоминания о сне, где меня собирались казнить, нахлынули огненной волной. Значит, бывает и так, что наказывают того, кто не совершил никакого преступления... Если бы не подтвердилось алиби фьера Мартини, его бы... запытали до смерти!

Лилиана слушала мужа, кивая и во всем соглашаясь. А я, уловив момент, шепнула тётё:

– Палач пытал этого Мартини?! Как могли допустить такое?

– Но кто-то должен делать и эту работу, – ответила тётя тоже шёпотом, пока фьер Капрет разглагольствовал о неумении королевских дознавателей раскрывать преступления по горячим следам. – Не будет же дознаватель сам пытать преступников? Дознаватель – троюродный брат короля, это работа не для благородных.

– Я не об этом! – я повысила голос, и фьер Капрет быстро и недовольно взглянул в мою сторону. – Не об этом речь, – снова зашептала я. – Как можно пытать невинного! И ведь это я рассказала о нём. Значит, я тоже виновата, что с ним так жестоко обошлись.

Тетя внимательно посмотрела на меня:

– Конечно, Мартини никого не убивал, дорогая, – сказала она почти сурово, – но и абсолютно невинным его не назовешь. Он нарушил священные узы брака. Преступление против души не менее тяжко, чем преступление против тела. Так что он получил по заслугам. И тебе не надо мучиться. Ты ни в чём не виновата, ты поступила так, как всегда поступают Монжеро.

Этими объяснениями мне пришлось и удовлетвориться. Ужин был вкусный, обсудив убийство фьеры Селены, фьер Капрет начал рассказывать забавные случаи из судебной практики, но мне было совсем не смешно.

Мне не понравился муж сестры. Я слушала его, смотрела – и он всё больше мне не нравился. Было в нём что-то фальшивое, напыщенное, занудное. Как будто он пытался казаться остроумным – но было скучно, пытался напустить важность – а выходило смешно, хотел блеснуть знаниями, но говорил что-то странное – вроде бы и умные слова, но прописные занудные истины.

Гуго Капрет был совсем не хорош собой – сухощавый, сутулый, с хорошей залысиной на макушке. И ещё у него длинные зубы. Фу, это некрасиво, когда у человека такие длинные и желтые зубы. Рядом с ним моя красивая сестра смотрелась, как фея рядом с гоблином.

Фьер Капрет рассмеялся – резким, каркающим смехом, и Лилиана тоже рассмеялась – серебристо, как зазвенел колокольчик.

Мне стало стыдно, что я осудила человека только потому, что он не умеет складно говорить, и сам не хорош собой. Когда сестра с мужем ушли домой, я спросила тётю, почему Лилиана выбрала именно фьера Капрета.

– Мне кажется, он совсем ей не подходит, – сказала я задумчиво. – Лилиана такая нежная, у нее кожа – словно фарфоровая, и волосы вьются... Мама всегда мечтала, что она выйдет замуж за прекрасного молодого графа, и дети у них родятся красивые, как ангелочки...

– Да, он не красавец, – согласилась тётя, – но он очень богат. Жаль, что детей у Лилианы до сих пор нет. Три года брака – и нет детей. Но муж очень любит ее, ни в чем не упрекает, хорошо относится. Это дорогого стоит, Виоль, можешь мне поверить.

– Верю, – сказала я, чувствуя угрызения совести, что я была недовольна длинными зубами фьера Капрета, и не разглядела его чуждой души.

– Но вот молодой Сморрет и хорош собой, и добр, – сказала тётя, с самым невинным видом доставая из рукодельной корзины пядьцы.

– Что это вы опять о нём? – ответила я с притворным недовольством. – Между прочим, мама всегда говорила, что дядя Клод женился на природной свахе.

– И она была права, твоя мама, – тётя потрепала меня по щеке. – Я выдала замуж твою сестру, женила твоего брата, теперь пришла твоя очередь, дорогая. И я молюсь, чтобы ты получила в мужья того, кто сделает тебя счастливой.

– Ой, а как же – деньги, положение, красота и титул? – не удержалась я от шутки.

– Если ты его полюбишь, если он полюбит тебя, – сказала тётя мечтательно, – всё остальное будет неважным. Будь он трижды страшен, если сердце твоё запылает – никакие воды не загасят этот огонь. А женское сердце – оно как солома, Виоль. Вспыхивает от одного лишь взгляда. Поэтому береги его. Подари его только тому, кто будет достоин твоей любви.

Глава 4. Лента и свеча

Даже самые страшные потрясения со временем забываются. Так и убийство фьеры Селены – о нем забыли, не прошло и месяца. Убийца не был найден, и фьер Капрет не переставал язвить по этому поводу. Трагедию списали на беспутный нрав фьеры Селены, и вскоре Лилиана снова устраивала пикники за городом, и фьеры и форкаты снова весело играли в волан или жмурки на лужайках.

Сестра взялась подыскивать мне мужа с огромным усердием – она устраивала дамские посиделки и водила меня в гости к своим подругам, у которых были неженатые братья. Я ещё не сняла траур, но молодым людям это не помешало увидеть во мне массу достоинств. Все они наперебой старались услужить, говорили милые комплименты, и в салонных играх чуть не дрались друг с другом за право играть со мной в паре.

Но самым настойчивым, учтивым и – что скрывать! – самым блистательным был фьер Сморрет-младший. Он объявил себя моим рыцарем и отстаивал это звание с недожинным упорством.

Он взял за правило встречать нас с тётёй каждый день, на прогулке, пропуская занятия в университете. И в ответ на наше с тётушкой беспокойство уверял, что наверстает и изучит пропущенное хоть ночью, но не может отказаться от удовольствия видеть меня.

Мы гуляли по парку, разговаривали обо всём и ни о чём, и это были удивительно спокойные и приятные часы. Элайдж умел говорить интересно, не надоедая, не утомляя, и не менее хорошо умел слушать.

Я рассказывала, как жила в маленьком провинциальном городке, где все жители знают друг друга в лицо. Рассказывала, как умер папа, как сначала в Сартен уехал старший брат, и тётя устроила его свадьбу с дочерью судьи, а потом уехала Лилиана, и очень удачно вышла замуж стараниями тётя.

– Она всего лишь жена брата моего отца, – говорила я, обрывая с ветвей резные красные листья, – но заботилась о нас так, словно мы были её родными детьми.

– Она очень добрая – фьера Монжеро, – признал Элайдж.

– Я всё слышу, – сказала тётя, которая шла немного впереди нас. – Не льстите, молодые люди, не заставляйте старушку краснеть!

– Тётя, вы вовсе не старушка, – запротестовала я.

– И такая красавица, – подхватил Элайдж, – что будь я посмелее, то отбил бы вас у фьера Клода.

– Господи, что за молодежь теперь, – притворно ужаснулась тётя, но я видела, что подобные шуточные разговоры её очень забавляют.

Ещё Элайдж взял за правило каждое воскресенье сопровождать нас с тётёй в церковь. Мы не пропускали ни одной службы, а дядя был ярким противником посещения церкви, утверждая, что религия – пережиток прошлого, и Бог должен быть в душе, а не в каменном доме.

Меня пугали такие радикальные высказывания. Я не была сильна в религиозных спорах, но в церковь ходила с удовольствием и благоговением. Элайдж уверял меня, что тоже очень ревностно соблюдает все правила и посты, но не мог прочитать даже общую молитву.

– Раньше он не был таким прилежным прихожанином, – сообщила мне тётя, когда фьер Сморрет решил исповедаться и по ошибке зашел в комнатку, где полагалось находиться священнику. – Да что там! Он, вообще, сюда не показывался. И вдруг воспылал таким религиозным огнём... Хвала небесам... – она молитвенно сложила руки, и мы совершенно неприлично прыснули.

Пока исповедовалась тётя, Элайдж стоял рядом со мной, чуть позади меня, так что я ощущала его дыхание на своей шее. На нас никто не обращал внимания, и вдруг я ощутила

прикосновение губ – пониже затылка. Всё произошло так быстро, что в следующую секунду я уже сомневалась – а был ли этот мимолетный поцелуй? Не почудилось ли мне?

Я оглянулась на молодого человека, и тут же почувствовала, как моя прическа рассыпалась.

– Я украл вашу ленту, – шепнул Сморрет, пока я пыталась подобрать локоны под шляпку. – Украл – и не отдам её вам. Теперь эта лента – моя святыня, – он прижал к губам полоску голубого шелка и спрятал ее за пазуху.

– Не говорите святотатства перед алтарём, – пробормотала я, краснея до корней волос. – Вы ведете себя...

– Как влюбленный, – признался он. – Виоль, ведь для вас не секрет, что я полюбил вас с первого взгляда. Полюбил сразу и навсегда...

Наверное, каждая девушка мечтает услышать подобное, и я была не исключением. Пылкие слова красивого юноши... Похищение ленты... Всё так романтично, как в модных романах, которые мы с подругами читали тайком от взрослых...

– Виоль, а вы можете ответить... – начал Элайдж, но в это время тётя вышла из исповедальни.

– Тише, – взмолилась я. – Не сейчас, очень вас прошу.

– Хорошо, я умолкаю, – шепнул он, – до следующего воскресенья, Виоль.

Тётя сразу заметила отсутствие ленты, но на обратном пути болтала с таким невозмутимым видом, будто я каждый день теряла по три ленты из прически. Зато дома она устроила мне настоящий допрос, только что пытки не применяла, и тормозила меня до тех пор, пока я не призналась, что произошло.

– Какая ты быстрая! – изумилась она, услышав все подробности разговора в церкви. – Тебя даже и в свет не успели вывести, а ты уже поймала золотую камбалу на крючок! Лилиане понадобилось полгода, прежде чем фьер Капрет пригласил её на танец.

– Наверное, у Лил было много других поклонников, а фьер Капрет просто долго думал! – отшутилась я. – Тётя Аликс, ты не будешь меня ругать? Это же так неприлично...

– О чём ты говоришь, моя девочка? – возмутилась тётя. – Я буду ругать этого нахального молодого человека, который посмел совершить кражу! И пожалуюсь его родителям. Да-да, так и сделаю.

– Тётя! – завопила я, перепугавшись до смерти.

– Ну что ты такая легковёрная, – тётюшка рассмеялась. – Я ничего не знаю, и ни во что не вмешиваюсь. Но помяни моё слово, скоро он сделает тебе предложение. Уверена, он не станет дожидаться даже начала бального сезона. Побоится, что какой-нибудь фронт вскружит тебе голову.

Новый город, новые знакомства, весёлое времяпровождение – всё это притушило мои переживания по Сартенскому палачу. Я не встречала его, потому что в городе не проводились казни. Мне надо было радоваться, что никого не лишают жизни за преступления, но я со стыдом ловила себя на мысли, что почти жду объявления об очередном наказании, чтобы у мастера Рейнара был повод приехать. Пару раз, когда мы выезжали за город, чтобы устроить пикник, я видела черные крыши дома палача в волнах алой рябины, но самого мастера мне увидеть не удалось.

Иногда я расспрашивала тётю о нём, но она отвечала рассеянно и... ужасно мало. А мне хотелось знать больше, гораздо больше. Я и сама не могла объяснить, откуда в моей душе появился такой интерес к этому человеку. Было ли дело в его таинственности, или в двойственности его натуры – убийца и лекарь?.. Я не знала, совсем не знала. И от этого становилось страшно и... восхитительно.

В следующее воскресенье после похищения ленты я, тётя и Лилиана, в сопровождении фьера Сморггетта-младшего, отправились к утренней службе. Лилиана пошла с нами, жалуясь, что ей снова отчаянно скучно – муж уехал по делам, и она не хочет сидеть дома одной.

– Даже на церковь согласна, чтобы развеяться, – призналась она, капризно надувая губы.

– А заодно и платье обновить, – подсказала тётя, незаметно соорудив мне гримаску.

– Всего лишь совместила полезное с приятным, – отозвалась сестра. – А вы, тётюшка, и ты, Виоль, всегда рады надо мной пошутить.

Но платье сидело на ней бесподобно – жёлтое, подчеркивающее яркую красоту Лилианы. В нём она была похожа не на лилию, а на жёлтую магнолию, и привлекала всеобщее внимание точно так же, как привлек бы этот экзотический цветок, распустился он в Сартене.

– А тебе, Виоль, уже пора бы снять траур, – сказала сестра, поигрывая ручкой зонтика. – Месяца через два начнутся званые приемы и балы, надо позаботиться о гардеробе.

– Все уже заказано, – заметила тётюшка сдержанно. – Но мы идем в церковь, Лил. Лучше бы подумать о небесном, а не о земном.

– Самое главное сейчас – выдать замуж Виоль, – назидательно сказала Лилиана. – Ей скоро двадцать лет, медлить не следует. И небесам, между прочим, это прекрасно известно.

– Тётя и так очень помогает нам, – одёрнула я сестру, потому что мне стало неловко, что она вот так напомнила, что пора бы и раскошелиться на платье для меня. – И если она пожелает, чтобы я жила рядом с ней и дядей, не выходя замуж, я с радостью подчинюсь. И не надо никаких нарядов.

– Ну, что за ужасы я слышу, – тётя погрозила мне пальцем. – Мы найдём для тебя самого лучшего мужа, Виоль, и не надо никаких жертв. Не волнуйся и не переживай – так и должно быть. Небеса не дали нам с Клодом своих детей, значит, мы должны позаботиться о других. И ты, и Лилиана, и Микел – вы для нас, как родные.

– И мы все очень вам благодарны, – сказала я, прижимаясь щекой к ее плечу.

Мы уже подходили к собору, я на мгновение прикрыла глаза, а когда открыла – увидела сартенского палача.

Мастер Рейнар стоял возле церкви, в стороне от входа, держа в руке шапку. Он стоял, чуть отвернувшись – наверное, чтобы не видеть, как косились на него прихожане, которые проходили в церковь. Он не заметил нас, но я сразу отпрянула от тётя – мне стало стыдно и неловко за такое откровенное проявление чувств. Глупости, конечно, но в тот момент я испытала самый настоящий стыд за яркое платье Лилианы и за то, что у меня была любящая богатая и уважаемая семья.

Тётя и Лилиана, насколько я заметила, тоже испытали некоторую неловкость. Мы торопливо и молча вошли в церковь, и только тогда я почувствовала себя свободнее, хотя ни в чем не была виновата.

Фьер Сморггетт-младший встал сразу за нами, и я ещё больше занервничала, вспомнив, что он обещал продолжить разговор о любви. Почему-то сейчас это не казалось мне ни романтическим, ни привлекательным. Неужели это встреча с палачом так изменила меня? Разом заставила стыдиться всего, чему я только что радовалась?..

Пожалуй, впервые я была так рассеянна во время службы. И если раньше я посмеивалась над Элайджем, что он не может прочитать общую молитву, то теперь не в силах была сделать это сама.

И чаще, чем на статуи святых, я посматривала на дверь, всякий раз, когда она хлопала – не вошел ли мастер Райнер?

Но он не показывался, зато Элайдж всякий раз, когда я оглядывалась, ласково мне кивал. Надо было готовиться к исповеди, а я открыла молитвослов, но не видела ни единого слова.

«Какая ты грешница, Виоль, – поругала я себя мысленно. Тебе надо думать о вечном, а ты думаешь о мужчинах! Вспомни, как страшно кончают жизнь те, кто думает о мужчинах, а не о спасении души».

Дверь хлопнула в очередной раз, и я не утерпела – снова посмотрела в сторону входа, хотя только что читала себе самой проповеди о благочестии.

Но вошел не палач, а мужчина, одетый в куртку с нашитым на груди вензелем, мешковатые штаны и грубые сапоги – по виду, слуга из богатого дома.

Он остановился, оглядывая прихожан, заметил фьера Сморгетта и подошел к нему, сняв шапку и что-то прошептав ему на ухо.

– Прошу простить, – сказал нам Элайдж, и лицо его выразило неприкрытую досаду, – я должен вас покинуть, фьера Монжеро, фьера Капрет, форката Монжеро, – каждой из нас он поклонился очень учтиво, но на мне задержал взгляд и посмотрел особо. – Папашечка решил срочно обсудить какие-то важные дела. А с ним, как вы знаете, лучше не спорить, – он смягчил слова улыбкой.

– Конечно, конечно, – тётя Аликс ответила за всех. – Передавайте привет вашей матушке. Скажите, рецепт вишневого пирога, что она мне прислала, бесподобен!

– Непременно, – фьер Сморгетт ещё раз раскланялся и покинул церковь, даже не приложившись к кресту.

– До сих пор бегают у своих папеньки и маменьки на посылках, как дрессированный пёсик, – сказала Лилиана насмешливо и тихо – так, что слышали только мы с тётей. – Будет бегать до седых волос, поверьте мне.

– Просто он – почтительный сын, – назидательно сказала тётя. – Не вижу ничего плохого в почтительности.

Лилиана фыркнула, но в это время вышел священник, и служба началась.

Я исповедалась, рассказав священнику, скрывавшемуся по ту сторону резной решетки, обо всех гадких поступках, что я совершила за неделю – слишком много думала о предстоящих зимних балах, радовалась взглядам мужчин, примерила розовую шляпку, хотя еще носила траур, ела конфеты с молочной начинкой в пятницу – не смогла отказаться, когда угостили, и осуждала сестру за то, что она стала слишком важной, чтобы поговорить со мной, как в детстве и юности.

Единственное, о чем я не нашла в себе сил признаться – это в своих снах о палаче. Правильнее было бы покаяться, потому что сны точно были не от благих мыслей, но я не смогла. Впервые за свою жизнь я не смогла довериться служителю Бога. Как будто можно что-то скрыть от небес!

Угрызения совести мучили меня всё сильнее, и к концу службы это заметила даже Лилиана.

– Ты побледнела, Виоль, – сказала она неодобрительно. – Немедленно пощипай щеки! Девушка на выданье должна быть румяной. Томность тут ни к чему, можешь мне поверить. Только в стихах мужчины любят белокурых и бесплотных фей, в жизни они предпочитают земную красоту.

Чтобы сделать ей приятно, я пощипала себя за скулы.

– Мама зря назвала тебя Виоль, – произнесла сестра, строго наблюдая за мной. – Так надо было назвать меня, а тебя – Лилианой.

– У Виоль глаза по цвету – совсем как фиалки, – заметила тётя. – Поэтому её и назвали Фиалкой.

– О, несомненно, цвет глаз всему причиной, – сестра передернула плечами. – Тогда замечательно, что нашей матушке не пришло в голову назвать меня Угольком.

– Ты не в настроении? – невинно осведомилась тётя. – Расстроил отъезд мужа?

Сестра вздохнула, принявшись обмахиваться платочком:

– Ах, тётя, вы же знаете, что сегодня у меня приглашено на чай полгорода. У меня все мысли о том, сколько понадобится пирожных, мороженого и сладких пирогов. Столько хлопот, когда хочешь выдать замуж младшую сестру...

Мы с тётей переглянулись, и она чуть заметно покачала головой, показывая, что не надо принимать упрёки Лилианы близко к сердцу.

– Ты права, дорогая, – сказала тётя участливо, – ты совсем забегалась со всеми этим и приёмами и похождениями в гости. Разреши я помогу тебе? Пройдёмся по лавкам и закажем всё, что тебе нужно.

Лилиана сразу повеселела, а мне стало совсем совестно.

Мой отец был аптекарем и когда умер, не оставил ничего, кроме долгов и трех детей. Тётя и дядя помогали нам всегда и очень щедро, и продолжали помогать теперь. Дядя пообещал мне хорошее приданое, и я совсем не понимала, зачем Лилиана продолжает принимать подарки от тётки. Неужели ее муж не смог бы оплатить пирожные и сладости к дамскому приёму?

– Это ведь не просто приём, – шепнула тётя мне на ухо. – Это приём для тебя. Поэтому вполне справедливо, что мы с Лилианой разделим расходы.

– Вы такая добрая, – только и смогла произнести я, а тётя весело подмигнула мне.

После утренней службы Лилиана собралась тут же идти за покупками, но я не пожелала составить ей и тётке компанию.

На душе у меня было беспокойно, и мне хотелось провести ещё полчаса в церкви – без свидетелей, в тишине, чтобы подумать, утешить сердце и утишить совесть.

– Мы вернемся за тобой на обратном пути, – пообещала тётя, целуя меня в лоб. – Будь здесь и никуда не уходи.

– Я вполне могу дойти до дома сама, – запротестовала я. – Прекрасно знаю дорогу.

– Юной форкате неприлично бродить по улицам одной, – осадил меня Лилиана. – Мы зайдем за тобой через полчаса.

Я пересела на скамейку в первом ряду, с краю, чтобы меня никто не побеспокоил, и раскрыла молитвослов на покаянных молитвах.

Постепенно церковь опустела, служки погасили свечи и опустили шторы, и я склонилась над молитвословом ниже, чтобы разобрать слова.

Прошло четверть часа, и полчаса, а тётя и Лилиана не возвращались. Но я совсем не тяготилась их отсутствием. Закрыв молитвослов и положив его на колени, я смотрела на разноцветные витражи, изображавшие чудеса ангелов, думала о покойных родителях, о брате, который переехал с семьей в другой город, о Лилиане, о предстоящем зимнем сезоне в столице. В моей жизни были печали, но будут и радости. Всё будет хорошо, надо только быть честной перед небесами и не совершать ошибок.

Шорох и тихие шаги заставили меня вздрогнуть и обернуться.

Из исповедальни вышла фьера Томазина Роджертис, я была представлена ей в доме сестры. Тогда фьера Томазина устроила мне почти допрос, расспрашивая, как я жила в доме родителей, чем занималась, какое образование получила и что умею. Разговаривала она со мной важно, немного свысока, и произвела впечатление уверенной и степенной дамы, но теперь выглядела совсем по-другому. Щеки ее горели, как будто она только что щипала себя за скулы, из прически выбились локоны, а сама фьера Томазина куталась в шарф, наброшенный на плечи, и покусывала губы, словно сдерживая улыбку.

Благородная фьера не заметила меня, торопливо прошла к выходу и выскользнула из церкви, не хлопнув дверью.

Я проводила госпожу Томазину взглядом, а потом снова принялась рассматривать витражи. Но теперь мои мысли кружились вокруг фьеры Роджерис. С чего это она так разволновалась? Неужели каялась с таким усердием?

Из исповедальни вышел священник – я услышала быстрые и легкие шаги, потом едва слышно стукнула дверь, и стала тихо.

Прошло ещё четверть часа, и с клироса спустился прелат Силестин. Он уже сменил праздничную мантию на простую черную, и нес вазу с астрами, мурлыкая что-то под нос и поправляя пышные соцветия.

Заметив меня, он смутился и объяснил, что хочет поставить цветы у входа, чтобы все прихожане могли полюбоваться на букет.

– Они выросли в моём саду, – сказал он и не смог скрыть гордости.

Я похвалила цветы, и он совсем растаял.

– Очень, очень радуется, форката Виоль, что воскресный день вы проводите не в праздных увеселениях, а думаете о душе, – в свою очередь похвалил он меня. – Я буду молиться, чтобы небеса даровали вам хорошего мужа, с которым вы будете идти рука об руку всю жизнь.

– Благодарю, – я поцеловала перстень на его руке, получила благословение, и не удержалась от вопроса: – Как вы прошли на клирос, отец Силестин? Разве не вы только что принимали исповедь у фьеры Роджертис?

– Что вы, – удивился он, встряхивая вазу, чтобы цветы распушили лепестки. – Исповедь проводится только перед утренней службой, сейчас никто не исповедует. Вы ошиблись.

– А... да... – ответила я, не найдя с вразумительным ответом.

Прелат поставил вазу на столик перед входом, полюбовался еще раз на астры и вышел, а я осталась сидеть, вцепившись в молитвослов и постепенно заливаясь краской до ушей.

Кто же был в исповедальной вместе с фьерой Томазиной? Неужели, Лилиана права, и в этом городе женщины совсем потеряли стыд?

Умиротворение, охватившее меня после молитвы, исчезло в один миг. Мне захотелось поскорее уйти из церкви – хотя бы на крыльцо. И надо ли рассказать обо всём тёте?

Я решила поставить свечи в маленькой часовне в церковном саду – там была статуя святой Иоланты Арпадской, которую я всегда почитала своей покровительницей, и теперь было самое время спросить её помощи и совета.

Выйдя из церкви, я прошла между липами по тропинке, посыпанной белым песком, обогнула собор, но когда до часовни оставалось всего с десятков шагов – остановилась, как вкопанная.

Не я одна решила посетить в этот час святую Иоланту – возле часовни стоял, опустившись на колени, сартенский палач. Только он не молился, а подтесывал топором дверь, проверяя, хорошо ли она закрывается.

Палач находился вполборота ко мне. Я видела жесткий край его маски и копну черных волос. И еще мне были видны его руки, державшие топор. Загорелые, с сильными, длинными пальцами они привлекали внимание, и я не могла оторвать от них взгляд. Даже зная, что это – руки убийцы, я залюбовалась их работой.

Как странно. Этими руками он убивает, и, если верить тёте – спасает. А теперь они ловко орудут топором, подтесывая дверь, чтобы точно вошла в дверной проем. Удивительные руки...

Словно почувствовав меня рядом, палач резко оглянулся, и я была застигнута врасплох. Перепугавшись непонятно чего, я метнулась сначала в сторону, потом отступила назад, и только потом остановилась, нервно засмеявшись.

– Я хотела только поставить свечу святой Иоланте, – сказала я, краснея.

Пристальный взгляд палача из-под черной маски, смущал меня невероятно. И я чувствовала себя вдвойне неловко, тут же вспомнив сон о нем. Хотя... мы ведь не в ответе за то, что нам снится. И мне не приснилось ничего постыдного...

Палач не ответил мне, только распахнул двери, предлагая пройти в часовню. Он даже не встал с колен, дожидаясь, пока я поставлю свечу и уйду, а он сможет продолжить свое дело.

Поблагодарив, я поднялась на две ступеньки, придерживая юбку, чтобы не задеть подолом палача, зажгла свечу от лампадки и на секунду закрыла глаза, чтобы обратиться к святой Иоланте. Но как назло, в голове стало пусто, как барабане.

Я постеснялась стоять у статуи святой слишком долго, и поскорее спустилась по лестнице, но уйти сразу не смогла.

Палач, начавший было снова подтесывать дверь, опустил топор и посмотрел на меня. Он ничего не сказал, но в его взгляде я читала молчаливый вопрос. Наконец-то я рассмотрела маску вблизи – надбровные дуги выпуклые, кожа на них глянцевая, чуть светлее, чем на лбу и щеках, и от этого облик палача получался по-звериному пугающим. Солнечные блики, падавшие сквозь листву, скользили по темной коже маски, заставляя черные глаза вспыхивать искрами и снова превращаться в черные омуты.

Черные омуты... да, подходящее описание для этих глаз...

Я спохватилась, что слишком долго стою перед палачом, разглядывая его. Смотрела на него на берегу, теперь опять тарашусь – как на хищника в зверинце. Крайне неприлично благородной девушке так себя вести.

– Хочу извиниться за то, что произошло на берегу, – произнесла я, краснея всё больше. – Я не хотела подглядывать за вами. Наша карета сломалась, я всего лишь решила посидеть на берегу.

Я могла бы не вспоминать о том случае – этикет как раз и требовал, чтобы о подобных конфузах тактично умалчивали, но почему-то меня тянуло к этому страшному человеку. Возможно, всё дело было в маске. Она придавала ему таинственности, и эта тайна влекла меня, как бабочку на огонь.

Бабочка... огонь... огненные рябины на холме...

Мне показалось, что я заново переживаю свой сон – как будто огненный поток хлынул на меня, грозя накрыть с головой, сжечь, обратить в пепел...

Палач молчал, и его молчание испугало меня больше, чем его маска.

– Наверное, холодно плавать в такое время? – выдала я с перепугу несусветную глупость.

Если он не ответит, мне останется только уйти, постаравшись сохранить достойный вид. Но как можно сохранить достоинство, если только что выставила себя дурочкой?! Зачем я вообще заговорила с ним...

Губы палача шевельнулись – четко очерченные, до этого плотно сжатые – и он ответил:

– Даже не заметил холода, форката.

Голос у него был низкий, немного хриплый, и услышав его я вздрогнула. Как будто привидевшийся мне огненный поток снова обрушился на меня.

– И не беспокойтесь, вы ничем меня не обидели, – продолжал палач, поигрывая топором. – Скорее, это я обидел вас. Но я заметил вас, только когда выбрался на берег. Знал бы, что вы гуляете – отсиделся бы в воде.

– О, это было бы лишнее, – заверила я, глядя на его губы.

Каждое их движение приводило меня в какой-то непонятный восторг. Как будто я встретила медведя, а он заговорил со мной по-человечески. Или причина была вовсе не в этом? Может, мне просто нравилось смотреть на его рот, потому что так понимала, что разговариваю, всё же, с живым человеком, а не с неподвижной маской.

– Мне было бы вдвойне неловко, если бы вы простудились и заболели из-за меня, мастер... Рейнар. Простите, я не знаю вашей фамилии.

– У палачей не бывает фамилий, – ответил он мне и встал, бросив топор на землю и выпрямившись во весь рост.

Он был на полголовы выше меня, и я невольно попятилась, хотя палач не сделал ничего угрожающего. И только потом до меня дошел смысл его слов. У палачей не бывает фамилий.

Как – не бывает?

Фамилия есть у всех, если только ты не сирота без роду и племени. Но и таким выдается паспорт и присваивается фамилия вроде «Найдёныш», «Подкидыш». Но вряд ли палач солгал... Неужели, у него нет даже паспорта?..

Похоже, Виоль выдала вторую глупость за сегодняшний день!..

– Те цветы... Это ведь было какое-то лекарство? – спросила я, хотя мне полагалось уже попрощаться и уйти – как примерной благовоспитанной девушке. Разговор с мужчиной наедине – тётя пришла бы в ужас! Но я продолжала стоять возле часовни, словно меня прибили к ней гвоздями. – Мне сказали, что вы – искусный лекарь.

– Так говорят, – нехотя кивнул палач, явно не желая поддерживать беседу. – С вашего разрешения, форката, мне надо закончить с дверью.

Намек был ясен, и я, попрощавшись, пошла к церкви. Было ужасно стыдно, и ужасно хотелось оглянуться. Я не утерпела и, прежде чем свернуть с дорожки, посмотрела через плечо.

Палач поднял топор, но вместо того, чтобы заняться дверью, продолжал стоять у тропинки. Невозможно было определить – смотрит он мне вслед или нет, но я опять ощутила жар и пламя огненной реки – обжигающей, грозивший сжечь дотла.

Я отвернулась и почти побежала к крыльцу, и вернулась как раз вовремя, потому что через пару минут к церкви подошла тётя Аликс. Она была одна и крайне недовольна.

– Совсем заждалась? – посочувствовала мне тётя. – Идём домой, скорее. Лилиана как с ума сошла – потащила меня по всем кондитерским! Она готовит на вечер что-то грандиозное! Как будто собирается встречать самого короля!

Я не мешала тёте ворчать, и кивала головой, соглашаясь с каждым словом. А сама всё ещё стояла на посыпанной песком дорожке, под сенью лип, рядом с человеком в маске, у которого не было фамилии...

Вечер у Лилианы и в самом деле получился грандиозным – с горой вкусных сладостей, с приглашенными музыкантами и актрисой, которая представляла живые картины.

Было весело и шумно, и замужние фьеры наперебой приглашали меня с ответным визитом, а сестра только подталкивала меня локтем в бок, чтобы я соглашалась.

Мы с тётей вернулись домой в девять вечера, и дядя, не дождавшись нас, успел поужинать в гордом одиночестве. После шуточных упрёков с его стороны, тётя согласилась составить ему компанию на второй ужин, а я, пожелав им спокойной ночи, поднялась в свою комнату.

Уже лёжа в постели, погасив свечу, я вернулась мыслями в церковный сад. Почему, вспоминая встречу с палачом, я думала не о казнях, не о глухом стуке меча по человеческой плоти, а как наяву ощущала солнце сквозь желтую и багряную листву? Видела, как скользят солнечные пятна по черной маске... Как сильные, загорелые руки проверяли – ровно ли остругана дверь... Как эти руки касаются меня...

Мне казалось, что всё это – продолжение моих мыслей, но на самом деле я уже спала и видела сон. Сон тревожный, но волнующий. И по холму стекала огненная река – будто ветер пробегал по макушкам алых осенних рябин...

Глава 5. Ужасная осень

Проснувшись, я не сразу смогла понять, где нахожусь, и только потом сообразила, что лежу в постели, на спине, а на лице у меня – натянутое до макушки одеяло.

В комнате было прохладно, я подтянула к себе халат и согрела его под одеялом, прежде чем надеть.

Внизу послышался взволнованный голос тёти, а через пять минут в дверь моей спальни осторожно постучали.

– Виоль, ты проснулась? – позвала меня тётя.

– Да, что-то случилось? – я подбежала к двери и открыла.

Тётя Аликс стояла в коридоре в утреннем платье и чепце, под который убрала волосы, не уложенные ещё в причёску.

– Виоль, девочка моя, – тётя с беспокойством поправляла манжеты платья, – подвяжи волосы и спустись в гостиную. Пришел фьер Ламартеш, он хочет с тобой поговорить.

– Королевский дознаватель? – в груди у меня за холодило от нехорошего предчувствия. – Это касательно фьеры Селены?

– Боюсь, что нет, – тётя покачала головой. – Сегодня за городом нашли фьеру Томазину Роджертис... Ее задушили... чулком. Это так страшно... Говорят, она пролежала там всю ночь.

Я причесалась, подвязала волосы лентой и надела чепец, двигаясь, как механическая кукла. Только вчера утром я видела фьеру Томазину живой, взволнованной... А сегодня утром...

Когда я вошла в гостиную, фьер Ламартеш о чем-то вполголоса разговаривал с дядей. При моем появлении, королевский дознаватель поклонился и предложил присесть.

– У меня к вам несколько вопросов, дорогая форката, – начал он вкрадчивым тихим голосом, когда мы с ним сели в кресла друг против друга.

Что-то подсказывало мне, что дознаватель предпочел бы поговорить со мной наедине, но тётя и дядя встали возле меня, как ангелы-хранители.

– Сегодня за городом нашли тело фьеры Роджертис, – продолжал дознаватель. – Страшная трагедия, страшный удар для её семьи...

Я кивнула, как механический болванчик, теребя пояс халата. Дознаватель посмотрел на мои руки, и я тут же сложила их на коленях, как примерная девочка. И сразу стало заметно, как дрожат мои пальцы.

– Мои люди проследили путь фьеры, – дознаватель улыбнулся сочувственно, и мне стало особенно жутко после этой улыбки, будто сам трехголовый пёс ада дружески оскалился, помахая хвостом-змеёй. – Утром она была на утренней службе, и прелат Силестин сообщил мне кое-что интересное. Что вы видели фьеру Роджертис, когда она выходила из исповедальни уже после службы. Это так?

– Ты видела бедняжку Томазину? – ахнула тётя. – Боже, как это всё ужасно!

– Форката? – дознаватель впери в меня взгляд. – Это очень важно, я требую от вас максимальной правдивости.

Я рассказала ему о том, что видела и слышала в церкви в воскресное утро, постаравшись не упустить ни одной подробности.

– Вы видели того, кто выходил из исповедальни следом за фьерой Роджертис? – спросил дознаватель, и мне показалось, что он даже замер, как змея перед броском, ожидая моего ответа.

– Увы, нет, – ответила я тихо. – Я не оглянулась, я подумала, что это прелат Силестин выходит следом за фьерой... Но прелат был на клиросе... Он спустился позже...

– Боже мой, – пробормотала тётя, переплетая пальцы.

– Кто-то ещё был с вами в церкви? – спросил фьер Ламартеш, и лицо его мгновенно стало замкнутым.

– Только я и прелат...

– Возле церкви?

– Только я и... – на секунду я замялась, но потом закончила: – и мастер Рейнар, палач.

– Палач? – вскинул брови фьер Ламартеш. – Он-то там что забыл?

– Он налаживал дверь в часовне, за собором, – торопливо объяснила я. – Я клянусь вам, что когда я уходила вместе с тётёй, мастер Рейнар всё еще был там.

– Да, спасибо, я проверю, – дознаватель задал мне еще два или три вопроса, после чего распрощался и ушел.

– Какая ужасная осень, – сказала тётя, когда дядя вернулся, после того, как проводил дознавателя. – Что за страшные вещи творятся в Сартене, Клод?

Дядя хмурился и пробормотал что-то непонятное, а я отчетливо поняла, что из-за того, что не догадалась оглянуться – потратить пару секунд, чтобы повернуть голову в сторону двери, смерть фьеры Томазины может остаться такой же тайной, как и смерть фьеры Селены. А что если их убил один и тот же человек? А что, если этот человек не остановится, а я могла остановить его?

– Как же мне жаль, что я не оглянулась в тот момент, – произнесла я медленно, – ведь могла это сделать, почему же не оглянулась?..

– На всё воля небес, – немедленно отозвалась тётя. – Значит, так было надо.

Мы позавтракали в полной тишине и даже не пошли на прогулку – тётя почувствовала себя плохо и предпочла остаться дома. А к вечеру примчалась в легком экипаже Лилиана. Шляпка её была лихо сдвинута набок, вуаль висела косо, а сама моя сестра была так бледна, что могла бледностью посрамить белую лилию, свою тёзку.

– Виоль, во что ты опять впуталась?! – завопила Лилиана с порога. – Весь город болтает, что ты видела убийцу!

Нам стоило огромных трудов успокоить сестру и убедить, что слухи – это всего лишь слухи, и если бы я видела убийцу, то уже сообщила бы об этом дознавателю.

– Какая ужасная осень! – повторила Лилиана слова тётёй и начала отчитывать меня: – Я ведь предупреждала! Девушке надо слушать! Слушать, а не пускать в ход язычок! Дознаватель уже два раза приезжает в этот дом, и виной тому – моя болтливая маленькая сестричка!

– Виоль сказала только правду, – заметила тётя. – Её не в чем упрекнуть.

– Упрекнуть не в чем, – забеспокоился дядя. – Но если по Сартену пойдут слухи, что Виоль знает, кто убийца... – он не договорил, потому что тётя выразительно на него посмотрела.

– Не пугай девочку, – строго сказала она.

– Но ей теперь надо и правда быть поосторожнее, – дядя вызвал Дебору и приказал принести графин с вином. – Виоль, с этого дня я не хочу, чтобы ты куда-то отлучалась одна. Только со мной, с тётёй или с Лилианой.

– Да, конечно, – прошептала я, впервые понимая, что слухи – это вовсе не безобидная болтовня. И что убийца может и правда решить, что мне что-то известно о нём, и тогда...

– И что теперь? Запереть её? – Лилиана сорвала шляпку и бросила её на диван, на котором сидела. – Это перед самым началом сезона? Невозможно! Невозможно, говорю я вам!

– Лил, – мягко сказала тётя, – ты думаешь совсем не об этом.

– А о чём мне думать? – она возмущенно посмотрела на тётю, потом на дядю, а потом всплеснула руками. – Ладно, она не видела убийцу, но как запретить людям распускать слухи? Теперь от сплетен не отмоешься!

– Пусть будет стыдно сплетникам, а не нам, – отрезала тётя, и сестра обиженно замолчала. Дебора принесла вино, и дядя налил немного в хрустальную стопку и выпил залпом.

– Мне тоже, – попросила тётя. – Немного, совсем капельку. От всех этих ужасов кровь стынет.

– Виоль просто не повезло оказаться не в том месте и не в то время, – сказала Лилиана уже спокойнее. – Как это всё неприятно... Но, между нами говоря, фьера Томазина была отвратительной женщиной. Все знали, что она меняет любовников, как перчатки. Вот и получила по заслугам.

– Лил! – тётя собиралась отпить вина и забыла, держа руку с хрустальной стопкой на весу. – Как ты можешь такое говорить! О покойниках – или хорошо, или ничего.

– Или правду, тётушка, – досадливо поморщилась Лилиана. – Ладно, Гуго говорит, что убийцу быстро поймают. Вроде бы, фьер Ламартеш уже напал на след.

– Гуго вернулся? – переспросила тётя.

– Да, сегодня, – нехотя ответила Лилиана. – Я не ожидала его так быстро. Хотела сегодня пойти с Виоль в гости к фьере Патрисии, у неё как раз брат приехал на побывку... Капитан кавалерии, между прочим.

– Наша Лил верна себе, – с улыбкой сказала тётя. – Думаю, сегодня нам лучше всем остаться дома. Неприлично развлекаться, когда произошла трагедия. Да и к Виоль будет нездоровое внимание. Не хочу, чтобы её начали расспрашивать об убийстве снова и снова. Хватило допроса фьера Ламартеша.

– Какая скукотища, – пробормотала Лилиана. – Заприте двери и никого не впускайте.

– Обязательно, – заверила её тётя. – А Клод зарядит все пистолеты.

– Ах, ведь вечер мог быть таким приятным, – вздохнула Лилиана, взяла шляпку и наклонила голову, чтобы подвязать ленты.

Я стояла прямо за сестрой и когда темные вьющиеся локоны упали ей на грудь, увидела на шее, справа, красноватое пятно. До этого оно было аккуратно спрятано под шарфом, но тонкая ткань чуть сдвинулась, открыв два полукруга, похожих... похожих...

Поспешно опустив глаза, я покраснела, когда догадалась, что это такое. Отпечатки зубов, след от укуса – не до крови, но достаточно сильный, чтобы остались красноватые пятна. Мне вспомнились длинные зубы фьера Капрета, и от этого стало ещё более неловко и стыдно.

Я напонила себе, что личная жизнь супругов – тайна. И чем бы они ни занимались в алькове, другим не должно быть до этого никакого дела. Но почему-то это проявление чувственности между Лилианой и её мужем взволновало меня. Мне представилось, как я стою в церковном саду, и солнце ласково льется сквозь золотистую листву лип, а рядом – сартенский палач. Только не лицом к лицу, а за моей спиной. Я словно наяву почувствовала прикосновение крепких горячих ладоней. Ощутила, как сильные пальцы сжали мои плечи, скользнули вниз – к локтям, к запястьям, а потом он наклонился, целуя меня в шею – долгим поцелуем, оттянув ворот моего платья, и слегка прикусил кожу у основания плеча...

Вздрогнув, я очнулась. Лилиана теребила меня за рукав, но я не слышала ни слова, что она говорила до этого.

– Виоль, ты уснула, что ли? – нетерпеливо сказала меня Лилиана. – На следующей неделе едем к модистке. Мне не терпится избавиться тебя от этого унылого черного платья. Сколько можно носить траур?

– Вообще-то, траур носят два года, – тактично подсказала тётя. – Но ты сняла его уже через год, насколько я помню.

– Не станете же вы осуждать меня за это, тётушка? – Лилиана всплеснула руками. – Мама знает, что я не стала горевать по ней меньше, когда сменила чёрное платье на жёлтое!

– Конечно, дорогая, не стану, – тётя Аликс поправила на Лилиане шляпку, чтобы сидела ровно. – Но упрекать Виоль не следует.

Сестра уехала, а после ужина мы получили от нее записку с нарочным – убийцу фьеры Селены и фьеры Томазины нашли. Это был любовник обеих дам – чрезвычайно развращенный

молодой человек, без дела и определенного рода занятий. Его отец держал лавку с тканями, а сын был занят тем, что писал стишки, да волочился за замужними фьерами.

– Куда катится мир, – сказала тётя задумчиво, снова и снова пробегая взглядом строки письма Лилианы.

– Но хорошо, что всё закончилось, – сказал дядя и налил себе ещё вина.

Глава 6. В логове палача

Утром следующего дня я проснулась, услышав испуганные вопли Деборы. То и дело хлопала входная дверь, и кто-то бегал по лестнице вверх и обратно.

Что-то случилось?

Я накинула халат, забыв про чепец и туфли, и выбежала из спальни.

– Несите его сюда, – раздался внизу голос Самсона – дядюшкиного кучера. – Осторожно! Придерживайте руку!

Я сбегала по ступенькам как раз, чтобы увидеть, как четверо незнакомых мне мужчин внесли в гостиную дядю Клода. Он лежал на их руках, запрокинув голову, бледный, с закрытыми глазами, а его правая рука...

– Не смотри, Виоль, – тётя, державшая двери, чтобы мужчинам удобнее было пройти, подбежала ко мне и заставила отвернуться.

Но перед моими глазами всё равно стояло страшное месиво открытой раны – с раздробленными костями, разорванными сухожилиями, в клочках красной от крови ткани.

– За врачом уже послали, – пробасил Самсон, топчась на пороге. – Я отправил Бернара, в коляске. Примчит фьера Азуле за пять минут.

Конечно же, врач приехал не через пять минут, но всё равно очень быстро. Он удалил всех из гостиной, оставив только своего помощника и позволив присутствовать тёте. Все остальные толпились возле закрытой двери.

От слуг я узнала, что произошло. Ночью прорвало плотину возле мельницы, и дядя выехал туда, чтобы следить за ремонтом лично. Разумеется, он заглянул и на мельницу, чтобы проверить, как идут дела, оступился и по какой-то несчастливой случайности повредил в дробилке руку.

– Я сто раз говорил хозяину – незачем вам ходить на эту мельниц, – бормотал Самсон. – Тем более ночью... Тем более, когда принял рюмашку на грудь...

Пока врач осматривал дядю, приехали Лилиана с мужем. Фьер Капрет, узнав, что вызвали фьера Азуле, тут же отправил кого-то из слуг с запиской в королевскую медицинскую гильдию. Прибыли трое врачей в мантиях и черных высоких шапочках, и прошли в гостиную. Туда никого не впускали, но когда приоткрывалась дверь, чтобы вынести таз с окровавленной водой или принести чистые перевязочные бинты, я всякий раз видела мертвенно бледное лицо тёти – похожее на маску, с черными провалами глаз.

Мне хотелось поддержать её, быть рядом с ней, но врачи запретили заходить кому-то ещё в гостиную.

Оставив Лилиану у дверей гостиной, я поднялась в свою комнату и, наконец-то, сняла халат и надела платье. Из зеркала на меня посмотрела совсем незнакомая мне девушка – бледная, испуганная, с растрепанными неприбранными волосами. Я причесалась и перетянула волосы лентой пониже затылка, чтобы не тратить время на прическу и поскорее вернуться к сестре.

Мы не обедали, и не ужинали, но, признаться, никому не хотелось есть. Дебора принесла мне, Лилиане и фьеру Капрету по чашечке кофе и сладкие рогалики, чтобы подкрепить силы, но я смогла одолеть только пару глотков, а к рогаликам вовсе не прикоснулась.

Пошел дождь, а потом опасно загрохотало – всё ближе, ближе.

Это была, наверное, самая последняя осенняя гроза.

Лилиана, сгорбившись, сидела в кресле у дверей гостиной, а я не могла усидеть на месте и беспокойно ходила по коридору туда-сюда, прислушиваясь к звукам в гостиной, к реву ветер за окном и к стуку ливня по стеклу. Я ждала, чтобы рассказали хоть что-нибудь – как чувствует

себя дядя, стало ли ему лучше, но в гостиной было тихо, как в могиле. Фьер Капрет потоптался рядом с нами, а потом ушел в столовую, и вскоре оттуда донесся его храп.

Иногда из гостиной выскальзывали бесшумно и по очереди фьер Азуле и врачи королевской гильдии, но на все наши расспросы был один ответ: пока ничего нельзя сказать наверняка.

– Что это за доктора, если ничего не знают? – злилась Лилиана. – Не доктора, а докторишки!

А я подумала, что не известно, что страшнее – вот так ждать, ещё на что-то надеюсь, или узнать... правду. Врачи прятали глаза, когда говорили с нами, и у меня сжималось сердце, потому что точно так же вели себя врачи, наблюдавшие мою маму в последний год её жизни.

Уже в сумерках примчался промокший до нитки Элайдж Сморрет.

– Приехал сразу, как узнал, – сказал он, бросаясь ко мне. – Как фьер Монжеро?

– Еще ничего не известно, – ответила я. – Они там с утра. И тётя там. Но нам ничего не говорят.

– Будем надеяться, что всё обойдётся, – Элайдж осторожно взял мои руки в свои. – Вы замерзли, Виоль. У вас пальцы ледяные.

– Мне не холодно, – сказала я истинную правду.

Какой холод, если с дядей беда?..

Гром ударил прямо над нашим домом – так что стекла в окнах зазвенели.

– Фу ты, настоящая буря, – произнес Элайдж. – Даже я струхнул.

В это время голоса врачей за дверью гостиной зазвучали громче, и мы все услышали, как фьер Азуле несколько раз с ожесточением повторил: полная ампутация! немедленная ампутация!

Лилиана ахнула, прижав ладони к щекам, а мне показалось, что вслед за громовыми раскатами дрогнула земля.

– Еще ничего не известно, – попытался утешить нас фьер Сморрет, но и он выглядел подавленным.

Спустя несколько минут из гостиной появилась тётя – измученная, бледная до синевы. Лилиана вскочила, уступая ей место, а Элайдж и я взяли тётю под руки, усаживая.

– С вашим дядей всё очень плохо, девочки, – сказала тётя, и из глаз её полились слезы. Они текли по щекам, падали на светлое утреннее платье, но тётя этого не замечала. – Руку надо ампутировать, я дала согласие, чтобы Клода готовили к операции.

Лилиана горько покачала головой, Элайдж понурился, а я встала на колени возле кресла, в котором сидела тётя.

– Отрезать руку? – спросила я дрогнувшим голосом, потому что самое страшное свершилось, но поверить в это было невозможно. – Тётя! Как – отрезать?!

– Кости повреждены очень сильно, – тётя закрыла глаза, откинувшись на спинку кресла, а слезы всё лились и лились. – Врачи говорят, что другого выхода нет. Иначе... иначе начнется гангрена, Клод может умереть.

Мы все замерли от этих слов, и неожиданно для самой себя я сказала:

– Надо позвать мастера Рейнара.

Лилиана уставилась на меня удивленно, а тётя медленно открыла глаза.

– Надо отправить за ним, – повторила я, потому что лицо тётки прояснилось, и у меня словно прибавилось сил. – Помните, вы говорили, что мастер вылечил фьера, который пострадал на охоте?

– Я позову Самсона, – сказала тётя, оживая.

– Я сама позову, – Лилиана помчалась к комнатам прислуги.

Вскоре появился кучер, но вид у силача Самсона был вовсе не бравый.

– Можно и палача позвать, – сказал он угрюмо, когда тётя попросила его съездить к дому мастера Рейнара, – но по такой погоде это – чистое самоубийство. Там гроза, как в аду. И дорогу, поди, размыло. А если прорвет плотину, как прошлой ночью?

Не подействовали ни уговоры, ни обещания заплатить.

– Я за фьера – и в огонь, и в воду, – заявил кучер, – но только если со мной что-то случится – свалюсь в реку или получу молнией по макушке, никто не позаботится о моих малютках. Вы уж простите, фьера Аликс. Да и зачем вам палач? К вашим услугам королевские доктора.

– Да, конечно, – прошептала тётя, ещё больше бледнея.

Она теперь походила на тень самой себя, и у меня не было сил наблюдать за этим.

– Фьер Элайдж, – отозвала я Сморгрета-младшего в сторону, чтобы нас никто не услышал. – Вы приехали в карете?

– В коляске, – ответил он и сразу понял, куда я клоню. – Даже не думайте, форката Виоль. Ваш слуга говорит верно – это безумие, ехать в такую погоду. Надо дожидаться утра. Как раз и гроза утихнет.

Я не стала с ним спорить и опустила глаза, скрывая разочарование.

– Не считайте меня трусом, – зашептал он, – но до холма идет грунтовая дорога. Вы не представляете, во что она превращается в ненастье! Лошади там точно не пройдут.

– Хорошо, поняла вас, – кивнула я.

– Очень на это надеюсь, – сказал Элайдж серьезно и попытался взять меня за руку, но я уклонилась.

– Пойду, приготовлю тётя кофе, – сказала я, отступая в сторону кухни. – Вам приготовить, фьер?

– Не откажусь, – согласился он. – Мне, пожалуйста, без сливок и сахара.

Я кивнула, и сделала вид, что ухожу в кухню, но как только Элайдж обернулся к тётя и Лилиане, я на цыпочках пробежала по коридору к входной двери, придержала колокольчик, чтобы не зазвенел, и выскользнула из дома.

Плащ я решила не брать, чтобы меня не остановили, когда буду бегать в свою комнату и обратно, и сразу же пожалела об этом – уже на крыльце дождь промочил меня до нитки, а ветер пробрал до костей. Еще вчера деревья стояли в золотой листве, а солнце грело совсем по-летнему, но в эту ночь осень заявила свои права на Сартен.

Гроза не утихала, и в блеске молний я видела, как гнутся ветви деревьев, за несколько часов потерявших свою листву.

Сердце трусливо сжалось и словно кто-то подсказал вкрадчивым голосом: а надо ли?.. мужчины побоялись выйти из дома в такую погоду, а ты решила бросить им вызов и показать, какая ты героиня? А что если пропадешь по дороге? И будешь лежать где-нибудь в луже, в грязи, наказанная за глупость и гордость?

Но я встряхнула головой, стараясь не думать о страшном, и побежала в сторону конюшни. Что бы ни произошло, я должна попытаться. Обязана. Дядюшка сделал нашей семье столько добра, что я не могу сидеть сложа руки.

Я сразу попала по щиколотку в лужу, зачерпнув воды в обе туфли. Мокрые волосы прилипли к лицу, холодные капли стекали за воротник. И это я еще не покинула двора...

Ворвавшись в конюшню, я первым делом бросилась отыскивать коляску фьера Сморгрета.

Самсон распряг рысака, вытер насухо и запряг опять, и сейчас жеребец стоял на привязи, с надетым на морду мешком, в который насыпали ячмень.

Я довольно долго провозилась, пытаясь отвязать жеребца. Он беспокоился, переступая тонкими ногами и всхрапывая, всякий раз пугая меня. Править коляской я умела, но никогда еще мне не приходилось править коляской, запряженной таким горячим и породистым конем. Но я была уверена, что справлюсь. Должна справиться.

Поглаживая жеребца по атласной морде, я вывела его из конюшни, уговаривая не бояться грозы и дождя.

– Всего-то немного воды и немного огня, – бормотала я и сама не слышала своего голоса. Распахнув ворота, я вывела коня на улицу, забралась в коляску и взяла вожжи.

Конь тронулся послушно, и когда мы проехали два квартала, я с облегчением перевела дух – больше всего я боялась, что мое отсутствие заметят и побег сорвется.

Ворота Сартена были закрыты, но гвардейцы, охранявшие вход, узнали коляску Сморгетов, а когда я сказала, что еду позвать палача к раненому фьеру Монжеро, сразу подняли решетку. Правда, смотрели они на меня, как на умалишенную. Наверное, я и в самом деле была такой, но отчаяние придавало мне смелости.

Если правда, что тётя рассказывала про мастера Рейнара, он поможет. Должен помочь.

Подхлестнув коня, чтобы прибавил ходу, я поймала себя на мысли, что слишком часто повторяю «должна», «должен», «должны». Но разве наша жизнь – это не обязательства чести? Ведь Монжеро говорят честно, а поступают еще честнее. Так говорил мой отец, и я считала, что это – благородно и правильно.

Дорогу размыло, и я боялась, что колеса повозки съедут с обочины, но пока мне везло. За городом гроза казалась еще страшнее, чем в городе. При каждой вспышке молнии сердце у меня ёкало, а когда грохотал гром, я невольно втягивала голову в плечи. Дождь хлестал меня по лицу – холодный, порывистый, как будто отвешивал пощечины, одну за другой.

Я в очередной раз убрала с лица мокрые пряди, и при вспышке молнии увидела рябиновый холм. Несмотря на бурю, рябины не потеряли листвы. И в темноте казались пушистой шкурой затаившегося чудовища.

В одном из окон дома палача горел свет, и это придало мне сил. Подхлестнув коня, я направила его по склону, но в это время по дороге навстречу нам хлынул поток воды и грязи, коляску повело в сторону, она едва не опрокинулась, опасно накренившись, и... застряла намертво!..

Напрасно я подстегивала коня, напрасно пыталась толкать коляску – она не сдвинулась и на полшага. Я видела, что рысак раскрывает рот, но не слышала ржанья – так дико вокруг ревели и грохотало. Я поскользнулась и упала, утопив руки в грязи по локоть. Впору было заплакать от досады и страха, но плакать было некогда. Подвернув подол платья и заткнув его за пояс, я побежала по дороге, бросив коня и коляску фьера Сморгетта на произвол судьбы.

Подниматься по холму по раскисшей дороге, когда ветер и дождь хлещут в лицо, когда вокруг сверкают молнии и грохочет так, что закладывает уши – это не снилось мне и кошмарных снах.

Больше всего я боялась опоздать – вдруг врачи уже начали операцию?!

Я падала на колени, поднималась и бежала вперед, снова падала и снова поднималась.

Дом палача вырос передо мной неожиданно – мне казалось, я никогда не достигну его. Но черная стена выдвинулась из темноты, я на ощупь поднялась по высокому крыльцу и заколотила в двери кулаками.

Дождь и ветер набросились на меня с такой злобой, словно стояли на страже покоя палача. Я задохнулась от порыва ветра, и ни о чем сейчас так не мечтала, как чтобы дверь открылась и я попала, наконец, в тепло, под крышу, и не было бы этого пронизывающего до костей ледяного ветра.

Но когда дверь открылась – тихо, медленно, сначала на полладони, потом на ладонь, на локоть, и, наконец, распахнулась – я не смогла заставить себя переступить порог. Стояла под дождем, ёжась и дрожа, и не отрываясь смотрела на человека в черной маске.

Даже дома он носит маску? Или надел ее, когда услышал стук?..

Прошла секунда, другая, а палач молчал, не приглашая меня войти. И я молчала, словно позабыв все слова. Странное оцепенение, странное чувство... Была ночь, но для меня вдруг всё вспыхнуло алым – как будто снова привиделся сон об огненной реке.

Прямо над домом гроыхнуло так, что я очнулась и вскрикнула, невольно прикрыв голову, как будто это могло помочь.

В тот же миг на плечо мне легла тяжелая рука и втащила меня в дом. Дверь закрылась за моей спиной, и стало тихо. Теперь завывания ветра слышались, как приглушенная музыка – далекая, размеренная.

Музыка в доме палача... Виоль, ты точно сошла с ума. Какая музыка?!

– Мастер Рейнар, – забормотала я, не осмеливаясь поднять глаза на мужчину, который стоял передо мной, хотя только что тарасилась на него, позабыв обо всем, – мой дядя болен... вернее, он очень болен... вернее, ему раздробило руку, и врачи хотят ампутировать...

Мой взгляд был на уровне груди палача. Верхние пуговицы рубашки были расстегнуты, открывая загорелую мускулистую плоть. Мне стало жарко, хотя платье не высохло волшебным образом, и я уже стояла в луже, которая натекла с моей промокшей насквозь одежды и волос.

Палач молчал, и я вдруг поняла, что все мои усилия пропадут даром, если он так же, как фьер Сморрет и Самсон не захочет ехать под дождем, по размытой дороге?..

– Очень прошу вас поехать, – умоляла я. – Моя семья многим обязана дяде... Мы все были без средств... без приданного... Он помог со свадьбой моему брату, моей сестре... Теперь заботится обо мне, обещая приданое... Вы помогли фьеру Клайферду, мне рассказывали... от него отказался даже королевский лекарь... Помогите, прошу... – я нервно облизнула губы, а потом упала на колени. Не потому что силы оставили меня, а потому что не знала, как ещё убедить палача.

Но он молчал, и не сделал ни одного движения, чтобы поднять меня. Стоял, как статуя, и я посмотрела на него снизу вверх. Почему он молчит?..

Деньги!..

Меня словно подстегнули плеткой. Деньги! Ему надо заплатить! Как же я забыла! Побежала в ночь, в грозу, и не догадалась прихватить с собой ни одного золотого! Я лихорадочно схватила себя за шею, за уши, хотя знала, что на мне не было ни ожерелья, ни серег – я не надевала украшения, потому что утром было не до нарядов. И колец не надела...

– Вам щедро заплатят, – продолжала я горячо и быстро. – Клянусь, обязательно заплатят, мастер Рейнар! Сколько скажете! Я отдам вам всё моё приданое, а дядя положил в банк на моё имя сто сольеров!

Я напрасно ждала ответа – палач молчал, и это привело меня в отчаяние. Да что же ему нужно?! Сколько он берет за помощь?!

Светильник в стенной нише освещал нас со стороны, и я увидела, как вспыхнули под маской глаза, а потом палач посмотрел на мою грудь.

Я растерянно опустила голову, проследив его взгляд.

Промокшее платье облепило меня, как вторая кожа, не скрывая ничего. И через тонкую ткань было видно, как напряглись соски.

Первым моим порывом было прикрыться, и я обхватила себя за плечи, закрывая груди, но опомнилась и убрала руки. Лилиана права – нравы в этом городе ужасны, так что нечему удивляться.

– Если вам мало, – произнесла я хрипло, потому что голос внезапно изменил, – если мало, я отдам себя.

Глава 7. Ночь в доме палача

Я ждала ответа, но все равно вздрогнула, когда палач заговорил. Вздрогнула от неожиданности и неизбежности.

– Очень щедро, – произнес он, и его голос тоже прозвучал хрипло и приглушено. – Решили предложить самое дорогое, да? А согласитесь стать женой палача?

Женой? Женой убийцы, изгоя, чтобы тоже быть навсегда отверженной приличным обществом? Я стиснула зубы, чтобы не стучали, и тихо ответила:

– Да.

Короткое слово упало между нами, как камень. Мне показалось, что палач словно отшатнулся от меня, но он всего лишь взял светильник.

– Идите за мной, форката.

Я неуклюже поднялась с колен, путаясь в подоле, и пошла за палачом, не видя ничего, кроме его широкой спины и крепких плеч под белой шелковой рубашкой.

У него шелковая рубашка?..

Боже, Виоль! О чем ты думаешь! Совсем не о том, о чем следует!..

Но я не успела отругать себя всласть, потому что мы поднялись на второй этаж, палач толкнул одну из дверей, приглашая меня войти, и я оказалась... в спальне.

Комната была странной – со скругленными углами, с тремя арочными окнами, сейчас занавешанными тяжелыми шторами. Пол закрывал ковер с толстым пушистым ворсом, а посередине стояла кровать – широкая, из морёного дуба, без балдахина. Белоснежные простыни, белоснежные подушки и тонкое козье покрывало, край которого был откинут – будто приглашая прилечь.

– Раздевайтесь, – велел палач, поставив светильник на круглый столик у постели.

Это был удар почище удара молнии. Я застыла, вцепившись в ворот платья. Раздеваться? Вот так – сразу?..

– Простите, мастер, – еле выговорила я, чувствуя дурноту, – может, вы сначала поможете дяде? Поспешим к нему... а потом... я готова...

Он оглянулся, посмотрев на меня через прорези кожаной маски, и я, как зачарованная, начала расстегивать пуговицы на платье. Конечно, сначала он захочет получить плату... чтобы точно не обманула...

Смуглая рука палача перехватила мои пальцы и на мгновение сжала. Горячая рука, сильная. С мозолями. Неужели, такие мозоли – от меча, которым он рубит головы?..

– Раздевайтесь не при мне, – сказал он, и я встрепенулась, оживая. – Вот здесь есть чистые рубашки, – он отпустил меня и открыл сундук, стоявший возле стены. – Переоденьтесь в сухое. Вы приехали на лошади?

– Коляска застряла на дороге, – пролепетала я, краснея от стыда и неловкости. Он совсем не собирался брать меня прямо здесь и сейчас.

Только тут я поняла, как замерзла – продрогла до костей. И еще, наверное, я страшно грязная... и волосы перепутаны... Вряд ли такая женщина может вызвать желание у мужчины. Я метнулась взглядом по стенам, отыскивая зеркало, но зеркала не было.

– Есть горячая вода, – палач указал на камин, где на решетке над горящими углями стоял медный котелок. – Умойтесь, я вернусь через четверть часа. Вам хватит времени?

– Да... – прошептала я.

Он вышел, закрыв дверь, и теперь я могла от души выругать себя за глупость и гадкие подозрения. Виоль! Он и не думал покушаться на тебя! И его слова о женитьбе были шуткой, а ты поспешила увидеть зло там, где никакого зла не было. А были лишь честь и благородство.

Я быстро стянула мокрое платье и нижнюю рубашку и смыла грязь с лица и рук, разведя воду в серебряном умывальном тазу. Кувшин для умывания был тоже серебряный – очень красивойковки, с удобной ручкой. Ко мне никто не вошел, но всё же я испуганно дергалась всякий раз, когда мне слышались какие-то скрипы или шорохи. Я умылась и ополоснула плечи и грудь, и заплела волосы, закрепив их единственной уцелевшей шпилькой. Чулки, туфли – всё было мокрым насквозь, и надевать мокрую одежду не хотелось. Я достала из сундука мужскую рубашку и, помедлив, надела. Она закрыла меня до колен – тонкая, мягкая ткань согрела и приласкала меня, сразу заставляя расслабиться.

Но расслабиться не удалось, потому что в дверь стукнули, и раздался голос палача:

– Можно, форката?

– Да, – ответила я прежде, чем сообразила, что пусть и прикрытая до колен, все равно выгляжу крайне неприлично.

Но палач уже вошел, и мне оставалось лишь стянуть ворот рубашки на груди, чтобы продемонстрировать приличествующую девице скромность.

Палач держал пузатую глиняную кружку, над которой завивался пар.

– Выпейте, – сказал он, протягивая кружку. – Это лекарство.

«Но я не больна!», – захотелось возразить мне, но навалилась усталость, голова закружилась, и я послушно выпила предложенное питье.

Оно было сладким, и кисловатым, и немного горьким... Как чай с сахаром и лимоном, но ароматнее...

Головокружение не прошло – наоборот, всё закачалось и подернулось дымкой.

– Что это? – спросила я слабо, пытаясь удержаться на грани сознания.

Я вцепилась во что-то твердое, горячее, сдавившее меня до потери дыхания, и лишь спустя несколько секунд с удивлением обнаружила, что рука палача обхватила меня за талию, поддерживая и не давая упасть.

– Кленовый сироп, чайный отвар и красное вино, – ответил палач. – Это поможет.

– Вино?! – я повисла на чем-то, а потом обнаружила, что палач держит меня на руках, а я обнимаю его за шею. – Никогда в жизни не пила вина. благородным форкатам нельзя его пить...

– Мы никому об этом не скажем, – успокоил он.

– Рассчитываю на ваше молчание, – прошептала я, а дальше все происходило, как во сне. А может, это и было сном?

Я смутно ощущала, что палач несет меня куда-то, кладет на что-то мягкое, пахнущее фиалками... Ах, это постель...

Блаженно вытянувшись, я с улыбкой смотрела на человека в маске, который склонился надо мной. Наверное, выпитое вино лишило меня способности думать здраво и хоть немного бояться. Я не испытывала никакого страха и мне казалось совершенно правильным, что мужская рука осторожно отвела ворот рубашки, и широкая ладонь легла на мою грудь. По всему телу разлилось тепло, а меня охватило непонятное томление – хотелось замурлыкать, как кошке, которую погладил хозяин. Замурлыкать – и потереться об него, выпрашивая больше ласки.

Мастер Рейнар склонился надо мной еще ниже, и вдруг поцеловал меня в губы – легко, чуть коснувшись.

Но и от этого невесомого прикосновения в моем сознании возникли алые рябины, и огненная река захлестнула волнами, увлекая всё дальше и дальше от берега...

Когда я проснулась – солнце золотило стену, оклеенную бледно-желтым ситцем. Таких обоев не было в доме тётушки, и я некоторое время с недоумением разглядывала их, пытаясь понять, где умудрилась заснуть.

Мне было уютно, тепло и спокойно, и совсем не хотелось вставать. Я закуталась в пушистое козье покрывало и перевернулась на бок, чтобы ещё подремать.

В углу на умывальном столике стоял серебряный кувшин и пузатая кружка из обливной глины. Вчера я пила из этой кружки что-то вкусное, сладкое и кислое... Кленовый сироп, черный чай, красное вино...

Дом сартенского палача!..

Я вскочила, отбрасывая козье покрывало, будто оно превратилось в огненный наряд царевны Главки, которой коварная волшебница прислала заколдованное платье, чтобы погубить соперницу.¹

Воспоминания нахлынули – страшные, беспощадные, и я в ужасе схватилась за голову, замерев столбом возле кровати, застланной белоснежными простынями.

Я предложила себя палачу. Стояла перед ним на коленях и предлагала себя. А он... согласился?... Ведь это он уложил меня в постель, а потом... Я прислушалась к своему телу, пытаюсь определить – изменилось ли что-то во мне?..

Но я чувствовала себя, как обычно. Если верить рассказам замужних фьер, когда женщина отдается мужчине – это не спутать ни с чем. Значит... значит, палач не тронул меня?..

Хотя...

Мужская рубашка, что я надела вчера, была расстегнута, и кожа саднила... Я отвела ворот и увидела между грудей красноватое пятно – как от солнечного ожога. И сразу – новые воспоминания. Палач точно так же отводит ворот рубашки и касается моей груди, а потом... целует меня...

Целует!..

Я почесала ожог через ткань и призвала себя к спокойствию.

Ты всё придумала, Виоль. Вела себя вчера, как сумасшедшая – совершенно неприлично. А палач, наоборот, проявил благородство и благоразумие. Кстати, где он?

Подойдя к окну, я приподняла штору.

Прямо передо мной открывался прекрасный вид на Сартен. Я увидела ленту дороги, ведущую от дядиной мельницы к городу, и сам город – залитый утренним солнцем, празднично горящий красными крышами. Но ярче крыш Сартена были рябины, которые чудом сохранили листву после вчерашней бури. Со второго этажа дом палача и в самом деле походил на корабль, плывущий по огненным волнам.

Огненные кроны рябин чуть колыхались, усиливая впечатление речных волн, и эта алая река сбегала до самого подножья холма.

Но где хозяин дома?..

Застегнув все пуговицы на рубашке и завернувшись в козье покрывало на манер античной тоги, я вышла из спальни и спустилась на первый этаж. Здесь тоже было пусто, а входная дверь – заперта.

Я не испугалась запертой двери. Наверняка, мастер Рейнар отправился лечить дядю, и запер дом, чтобы никто не мог меня потревожить. И это – по-настоящему благородно...

Ступая босыми ногами по коврам, которыми были застелены полы, я осмотрела комнаты – гостиную, столовую, кухню... Везде стояла мебель из мореного дуба и кедра, хотя и не особенно изящная, но красивая и удобная. В буфете я обнаружила сервиз из настоящего северского фарфора, расписанный охотничьими сценками. Здесь же лежали серебряные ложки, ножи и вилки, и красовались стройными рядами бутылки из темного зеленоватого стекла, с этикетками королевских виноделен.

---

¹ Здесь – отсылка к греческому мифу о волшебнице Медее, чей муж – аргонавт Ясон хотел жениться второй раз на царевне Главке

Я вернулась на второй этаж и позволила себе заглянуть в другие комнаты, кроме спальни. В одной на стенах висело оружие – начиная от арбалетов, заканчивая мечами, топорами и охотничьими кинжалами и ножами, а в другой на деревянном столе расположились стеклянные реторты, глиняные кувшинчики, каменные и фарфоровые ступки, и огромный шкаф был заставлен банками, с привязанными к горловинам ярлычками, на которых значилось: «мята», «черный перец», «сладкий корень», «шалльная трава»... Были тут и кленовый сироп, и чай разных видов – черный, красный, зеленый.

Даже в самом убранстве дома была видна двойственность натуры этого человека – убийца и лекарь... Палач и врач...

Окно лекарской комнаты выходило не на город, а на дорогу, ведущую от подножья холма к дому, и я вдруг увидела всадника на черном коне, в черной маске, медленно ехавшего через рябиновую рошу.

Он вернулся!..

Я стрелой метнулась в спальню и забегала по комнате, скидывая мужскую рубашку, торопливо надевая свою одежду и пытаюсь быстро застегнуть все пуговицы на лифе. Я искала зеркало и щетку для волос, но не нашла. Похоже, их не было в этом доме, а мне страшно не хотелось, чтобы мастер Рейнар видел меня растрепанной и неряшливо одетой после моего вчерашнего позора. Лучше всего, если я буду выглядеть строго, благопристойно, как и положено...

Я пригладила волосы, глядясь в серебряный кувшин, и все время прислушивалась – не хлопнула ли входная дверь. Но на первом этаже было тихо, и я уже начала сомневаться – не почудился ли мне всадник в черной маске.

Прошло около получаса, пока внизу раздались шаги, и я тут же вышла из спальни, остановившись на верхней ступеньке лестницы.

Палач сбросил сапоги, прислонившись спиной к косяку, снял и повесил плащ, бросил на столик перчатки, и словно задумался, сложив руки ладонями и коснувшись кончиками пальцев подбородка. Я подождала секунду, другую, а потом окликнула:

– Мастер Рейнар!

Он поднял голову, посмотрев на меня, и темные глаза блеснули горящими угольками из-под маски.

– Как мой дядюшка? – я сбежала по лестнице и встала перед палачом, пытаюсь по взгляду понять – удалось ли спасти дядю. – Вы были у него?

– Доброе утро, форката, – сказал палач, и уголки губ дрогнули в еле заметной улыбке. – А вы – смелая. Провели ночь в логове убийцы – и первым делом спрашиваете о дяде. Как себя чувствуете? Жара нет?

– Нет, – ответила я машинально и только тут удивилась – как это я не подхватила воспаление легких после вчерашней прогулки под осенним дождем и без плаща.

Пока я недоуменно хмурилась, палач прижал ладонь к моему лбу. Это было неожиданно, и хотя в этом жесте не было ничего предосудительного или оскорбительного, я отшатнулась. Отшатнулась – и тут же пожалела о своем порыве. Меньше всего я хотела бы обидеть его, но он прикоснулся ко мне – и огненная река опять захлестнула волнами. Сердце мое застучало быстро и неровно, и я глубоко вздохнула, чтобы прийти в себя.

Палач сделал вид, что не заметил, как я отпрянула от него. Или ему это было безразлично.

– Жара нет, – сказал он, отворачиваясь, чтобы повесить рядом с плащом дорожную сумку. – Поезжайте домой, коляска стоит внизу на дороге, вам только спуститься с холма. Дорога уже немного просохла, не застрянете, – он помедлил и предложил: – Возьмите мой плащ. Там свежо. С вашим дядей всё хорошо, я успел вовремя.

– Спасибо, – сказала я, и голос опять подвел – прозвучал слишком тихо и прерывисто, – я верну плащ при первой же возможности.

Палач как-то странно дернул плечом – недовольно, раздражительно, но кивнул на плащ, предлагая мне самой его снять.

Я сняла и набросила его на плечи. Плотная ткань еще хранила тепло человеческого тела, и пахла... фиалками. Совершенно неподходящий запах для палача.

Мастер Рейнар стоял вполоборота, и мне казалось, ему не терпится, чтобы я ушла. Он не задерживал меня, не сказал ни слова о том, что произошло вчера, и я должна была почувствовать себя свободно и лететь домой, чтобы убедиться, что дядя спасен, но... по-прежнему топталась у порога.

– Мастер, – позвала я, и палач чуть повернул голову в мою сторону, показывая, что слушает, но без особой охоты. – Мастер Рейнар, я могу вам чем-нибудь помочь?

Он как будто хмыкнул, но теперь посмотрел на меня в упор и спросил:

– Чем, например?

– Ну... – я замаялась, смутившись его пристального взгляда. – Хотите, буду покупать для вас продукты на рынке? Если вы напишете список, я буду каждую неделю отправлять вам всё необходимое.

Было невозможно разглядеть выражение лица, скрытого маской. Но я увидела, как палач стиснул зубы, дернув желваками, и коротко сказал:

– Не надо. Уезжайте. Немедленно.

– Простите... – забормотала я, попяtilась к порогу, а потом развернулась и почти бегом бросилась вон.

Рысак, запряженный в коляску, мирно стоял возле крыльца. Я забралась на сиденье в считанные мгновения, схватила поводья и подхлестнула коня, направляя его по дороге прочь от логова палача.

Глава 8. Прикосновение, обжигающее сердце

Когда коляска въехала во двор дядино дома, навстречу мне попался Самсон – он сметал опавшие листья с кирпичной дорожки, ведущей к крыльцу. Увидев меня, кучер уронил метлу и поспешил подхватить рысака под уздцы.

– Вы с ума сошли, форката?! – вытаращил глаза Самсон. – Отправились ночью!.. Одна!.. Да еще в такую погоду!..

– Неважно, – я перебросила ему поводья, и выпрыгнула из коляски. – Как дядя? Как фьер Монжеро?

– Лучше бы побеспокоились о фьере Аликс! – уже вслед укорил он меня. – Она места себе не находит!

Я взлетела по ступеням, распахнула двери, и колокольчик звякнул весело и переливчато. Дебора как раз выходила из кухни и ахнула, прижав к щекам ладони.

– Ну и перепугали вы нас, форката! – запричитала она, подбегая ко мне и принимая плащ, который я сбросила ей на руки. – Сейчас обрадую фьеру Аликс. Она чуть не умерла от переживаний за эту ночь!

– Что с дядей? – перебила я служанку.

Но Дебора не успела мне ответить, потому что со второго этажа уже спускалась тётя Аликс. Она была бледной, с сиреневыми тенями под глазами, но просветлела лицом, когда увидела меня.

– Виоль! Ты сумасшедшая! Ты знаешь об этом?! – воскликнула она, а потом чуть не задушила меня в объятиях.

– Да, я сумасшедшая, совершенно верно... Как дядя? Скажите же, наконец? – спросила я с тревогой.

– Ты поступила крайне неразумно, – тётя отстранилась и заботливо пригладила мне волосы. – Но я так тебе благодарна! Мастер Рейнар приехал, сбил жар, сам провел операцию, а когда уехал – Клод спал, как младенец

– Руку спасли! – выпалила Дебора из-за плеча тёти.

– Спасли?!

– Мастер Рейнар сказал, что всё обойдется, – подтвердила тётя, сияя глазами. – Он – настоящий волшебник! Кстати, фьер Сморрет только что уехал. Вы разминулись минут в десять, какая жалость. Мы все так волновались...

«Наверное, он волновался за свое имущество – за коня и коляску», – подумала я, но вслух ничего не сказала, чтобы не расстраивать тетю.

Дебора хотела увести меня, чтобы переодеть и причесать, но я прежде всего пожелала увидеть дядю. Мне позволили посмотреть от дверей, чтобы не побеспокоить больного. Дядя крепко спал. Его правая рука была зафиксирована в глиняном лубке, и обмотана бинтами, а на груди... виднелся красноватый отпечаток, по форме напоминающий ладонь и пальцы. Как будто след от солнечного ожога...

Поднявшись к себе в спальню, я позволила Деборе налить воды в таз для умывания, а потом отправила служанку помогать тете, заверив, что с купанием и переодеванием справлюсь сама.

Когда Дебора ушла, я тщательно заперла двери и подошла к зеркалу, сняв платье и расстегнув рубашку. На моей коже тоже был отпечаток ладони – между грудей, как раз там, где меня во сне коснулся палач. То есть я думала, что это был сон...

Я рассматривала красноватое пятно, а потом погладила его кончиками пальцев, вспоминая прикосновение. Горячее, от которого по всему телу потекла огненная волна. Как будто

рука палача прижгла меня. Заклеймила. Значит, сон не был сном. И палач... действительно, поцеловал меня?..

Думая об этом, я искупалась, переоделась в чистое и расчесала волосы. Дебора принесла завтрак, и я поела, даже не обращая внимания, что ем. Дядя проснулся к обеду, и мы с тетей навестили его.

– Прекрасно себя чувствую, – заверил нас дядюшка, пытаюсь улыбнуться. – Боли совсем нет. Вот увидишь, Аликс, завтра же я встану на ноги.

– Кто тебе позволит? – вздохнула тетюшка, украдкой промокая глаза платочком. – И как можно быть таким неосторожным, Клод?! Зачем тебя понесло на эту мельницу? Я ненавижу ее! И требую, чтобы ты ее продал!

– Ну-ну, – принялся он ее успокаивать. – Мельница здесь точно ни при чем...

Я слушала их разговор, а сама думала о палаче. Он сдержал свое слово. Сохранил дяде руку. А я... я предложила ему купить продукты на рынке.

– Виоль, а ты что сидишь с похоронным видом? – окликнул меня дядя. – Я живой, а на тебе лица нет! Это как понимать?

– Не шутите так, дядюшка, – сказала я, пытаюсь принять радостный вид. – Конечно, я счастлива. Только мы так переволновались...

Тетя предостерегающе посмотрела на меня, и я замолчала.

Когда мы вышли из гостиной, где временно разместили дядю и оборудовали лазарет, тетя сказала мне на ухо:

– Думаю, не надо рассказывать Клоду, что ты ездила к мастеру Рейнару и провела там ночь. И Лириане ничего не скажем, иначе она изведет тебя упреками. Хорошо, что они с мужем уехали еще до приезда мастера Рейнара. А фьер Сморрет, конечно же, будет молчать. Я попрошу его об этом.

– Фьер Сморрет... – повторила я, не сдержалась и передернула плечами.

– Он больше всех волновался, когда ты уехала, – продолжала тетя, ничего не заметив, – и я его прекрасно понимаю. А он прекрасно понимает, куда ты поехала...

– Тётя! – я решительно посмотрела на нее. – Уверю тебя, мастер Рейнар вел себя так благородно, как вряд ли могут вести себя некоторые благородные по крови фьеры.

– Даже не сомневаюсь, девочка моя, – завершила она. – Но всё же лучше нам об этом умолчать. Тебе предстоит первый выход в свет, а мастер Рейнар – не столетний старик, чтобы его присутствие не могло тебя скомпрометировать.

– А... сколько ему лет? – спросила я быстрее, чем осознала, что вопрос совсем неуместен.

– Сколько? – тетя рассеянно нахмурилась. – Признаться, никогда не думала об этом. Но ему точно нет еще сорока. И он не женат. Поэтому – сохраним тайну.

Не прошло и пятнадцати минут, как слуги доложили о визите фьера Сморрета-младшего. Тетя как раз пошла к себе, чтобы переодеться к ужину, и принимать гостя пришлось мне.

Он вошел хмурый и поздоровался со мной без привычной сердечности.

– Можем ли мы поговорить где-нибудь без свидетелей, форката Монжеро? – спросил он, высокомерно посмотрев на Дебору, которая как раз несла чай в комнату тети.

– Пройдемте в библиотеку, – предложила я, не предполагая от разговора ничего хорошего.

Я оставила дверь библиотеки открытой, чтобы у тети не было новых поводов для волнения относительно моей репутации. Я не предложила фьеру Сморрету присесть, и он встал возле книжного шкафа, в волнении сжимая и разжимая пальцы.

– Зачем вам было ехать к палачу, Виоль? – выпалил Элайдж. – Вы провели ночь в его доме?

Щеки его горели, глаза сверкали, но я очень равнодушно смотрела на его юную красоту. Можно было промолчать или солгать, но я не сделала ни того, ни другого.

– Да, провела, – сказала я холодно. – Вам же это прекрасно известно.

Он что-то процедил сквозь зубы, но я не расслышала. Взъерошил волосы и посмотрел на меня с упреком:

– Зачем? – произнес он с таким искренним страданием, что впору было почувствовать угрызения совести, что я предпочла остаться в тепле и безопасности дома, а не проделала обратный путь под дождем и молниями.

– Зачем я осталась? – переспросила я. – Потому что я промокла и могла заболеть. Мастер Рейнар пожалел меня. А вам больше понравилось бы, если бы я сегодня слегла с воспалением легких?

– Бог мой! – перепугался Сморрет. – Конечно, нет! Но вы понимаете, что если об этом узнают – разразится скандал! Моя жена не может позволить себе...

– Я пока еще не ваша жена, – произнесла я очень спокойно. – И никогда ею не стану. Благодарю, что разрешили воспользоваться вашей коляской, дядя возместит все расходы.

Он захлопал глазами, и спросил изумленно:

– Зачем вы о коляске?.. Вы... отказываете мне?!

– Для вас это – огромная неожиданность, – отрезала я. – А теперь – простите. Я устала, мне надо отдохнуть.

– Устали после ночи в доме палача? – Элайдж стремительно сделал шаг вперед и схватил меня за локти. – Чем это вы там занимались, таким утомительным?

В одно мгновение галантный юноша превратился в настоящего дикаря. Он встряхнул меня, всё сильнее сжимая пальцы.

– Отпустите, мне больно, – потребовала я, стараясь сохранить самообладание.

– Виоль, вы же видите, я влюблен в вас... – начал он и еще сильнее меня встряхнул.

Я разозлилась мгновенно – и не смогла сдержать злости. Видимо, сказались напряжение последних суток. Высвободив правую руку из цепких пальцев Сморрета, я влепила ему пощечину – с размаха, от всей души. Он сразу отпустил меня, схватившись за щеку и отступив на пару шагов.

– По-вашему, именно так доказывают свою любовь?! – в этот момент я его ненавидела, и он тоже смотрел на меня с ненавистью.

Потом опомнился, коротко поклонился, бормоча извинения, и ушел.

Прислонившись к шкафу, я закрыла лицо руками.

Даже если Сморрет разболтает о моей поездке к палачу по всему Сартену – это ничего не значит. Это ничего не значит! Меня не в чем упрекнуть... Почти... Я снова пережила мучительный стыд за свое вчерашнее поведение. Но мастер Рейнар – не Элайдж Сморрет. Он не упрекнул меня ни словом, не стал настаивать, не воспользовался моими страхом и отчаянием...

– Виоль? – в библиотеку заглянула тётюшка. – Почему ты здесь? Дебора сказала, что фьер Сморрет уже ушел?

– Да, тётя, – сказала я, опуская руки и пряча их за спину. – Пришел... ушел... Он торопился.

– Жаль, я хотела с ним поговорить, – тётя расстроено покачала головой. – Пойдем ужинать? Клод опять уснул, но дыхание ровное, и жара нет...

Она говорила о дяде всё время, пока мы ужинали, но я не мешала ей. Тётя говорила, а я думала о другом.

Откуда в доме палача фарфоровый сервиз? И дорогое вино?.. Если он не может ничего покупать – значит, крадет это всё? Или покупает в других городах, инкогнито? Или... забирает в качестве налога, натурой?.. А... с падших женщин он берет налоги серебром или...

Я гнала подобные мысли, и раз за разом повторяла себе, что не мое дело, как живет сартенский палач, но они снова возвращались, и я улетала в дом на холме, в рябиновую рощу. Палач прикасался ко мне, он поцеловал меня... Или поцелуй мне приснился?..

После ужина я отправилась бы в свою комнату, чтобы посумерничать в одиночестве, обдумать всё, что произошло, но тётя Аликс попросила провести с ней еще несколько часов.

– Не смогу уснуть, – призналась она. – Не передать, что я испытала в эту ночь. Когда я подумала, что могу потерять Клода...

Мы устроились в столовой, перенеся сюда кресла из гостиной, чтобы не беспокоить дядю. Тетя достала вязанье, но спицы так и лежали на ее коленях, а она погрузилась в воспоминания тридцатилетней давности, когда дядя Клод ухаживал за ней, а она сомневалась – принять его ухаживания или выбрать другого поклонника.

– С Клодом мы обменивались записками, оставляя их в дупле старого вяза, в парке. Теперь вяз уже срубили, но я до сих пор могу найти то место. Я гуляла там с моей матушкой, как мы сейчас гуляем с тобой, и всегда делала вид, что в туфлю попал камешек, и долго вытряхивала его, оперевшись о вяз. Стоило матушке отвернуться – я доставала записку от Клода, бросала свою, и мы шли себе дальше...

Я не мешала тёте предаваться воспоминаниям, понимая, что это отвлекало ее от тревожных мыслей. К тому же, мне было очень интересно слушать о днях ее молодости, когда все было совсем не так, как теперь... Кто сейчас обменивается записками? Молодые люди предпочитают смело подходить к понравившимся барышням, заговаривать, флиртовать. Фьер Сморрет подошел среди бела дня, в общественном месте, в парке. Подойти и заговорить не побоялся, а ехать в грозу ему показалось страшным. И когда узнал, что я отправилась звать на помощь палача – не бросился следом. Предпочел отсиживаться дома.

В столовую заглянула Дебора и сказала тихо и немного испуганно:

– Фьера Аликс, там пришел палач... хочет проведать фьера Клода...

Я вскочила, уронив пальцы, и тут же смутилась, бросившись их поднимать. Правда, моего смущения никто не заметил, потому что тетя тоже вскочила, откладывая вязание.

– Согрей воды и принеси в гостиную! И побыстрее, Дебора! – распорядилась она уже на ходу. – Я сама провожу мастера к фьеру Клоду.

– Да, фьера! – служанка бросилась в кухню, а я вышла в коридор вслед за тетей.

Палач стоял у дверей – в маске, как обычно, с дорожной сумкой на ремне, через плечо.

– Добрый вечер, фьера... форката... – он сдержанно поклонился мне и тете, и я почувствовала, что краснею, хотя не было сказано ничего особенного – простая дань вежливости.

– Проходите, мастер, прошу вас, – тетя жестом предложила палачу пройти в гостиную. – Не разувайтесь, не стоит беспокоиться.

– Благодарю, но я привык так, – сказал он, уже снимая сапоги.

На нем были носки – вязаные, из светло-серой отпаренной шерсти, чтобы были мягче. Носки сидели точно по ноге, и я подумала, что вязались они по мерке, именно для палача. И кто же та женщина, которая заботится, чтобы у него ноги были всегда в тепле?..

Тетя проводила палача в гостиную, а я осталась в коридоре. Послышался слабый голос дяди Клода, уверявшего, что с ним все прекрасно, потом густой и низкий голос мастера Рейнара, который просил принести горячей воды и полотенце, и тетя заверила, что сейчас же обеспечит все в лучшем виде.

Запахавшаяся Дебора промчалась мимо меня с кувшином горячей воды, а потом вылетела вон и побежала в прачечную, чтобы принести чистое полотенце.

Пока палач осматривал дядю, мы с тётушкой ждали под дверями, шепотом подбадривая друг друга и не смея даже присесть.

Наконец, мастер Рейнар вышел из гостиной и обратился к тете:

– Теперь никакой опасности для жизни нет, – говорил он очень спокойно, негромко, доставая из своей сумки мешочки с травами и передавая их тете, – фьера Клода может наблюдать лекарь, я больше не нужен. Давайте больному настой из трав – по столовой ложке каждого сбора залить чашкой кипятка, настаивать полчаса и теплым давать по три ложки в день, до еды. Это для того, чтобы предотвратить воспаление и жар. А чтобы кости быстрее срастались...

– Простите, мастер, – извинилась тетя, – разрешите, я все запишу? Боюсь забыть что-нибудь.

Он кивнул, встретился со мной взглядом и тут же отвел глаза.

– Дебора, быстро принеси бумагу и карандаш, – велела тетя.

– Пройдемте в столовую? – предложила я. – Там и записывать будет легче, и я сразу заварю чай. Или вы предпочтете кофе, мастер Рейнар?

Тетя посмотрела на меня, распахнув от удивления глаза, но ничего не сказала. Палач опустил голову, помедлил и ответил:

– Благодарю за приглашение, форката, но – нет. Вы недавно в нашем городе, не знаете всех законов. Я не имею права есть за одним столом с гражданами города и благородными господами.

– Это не закон, – сказала я пылко, не сводя с него глаз. – Это глупый обычай. И я не вижу ничего страшного в том, чтобы вы выпили чашку чая в нашем обществе.

– В самом деле, – поддержала меня тетя. – На улице снова моросит, а вам еще до дома добираться. Вы будете чай или кофе, мастер?

Палач колебался, и я спросила почти с вызовом:

– Надеюсь, наша компания вас не оскорбит?

– Вы еще и шутница, форката, – скупно улыбнулся он. – Я с удовольствием приму ваше приглашение. Это честь для меня.

– Чай или кофе? – спросила я быстро, уже готовая лететь в кухню за кипятком и заварником.

– Чай, если можно, – коротко сказал он.

Пока тетя записывала под диктовку, чем и как следует лечить дядю, я сама заварила чай, не допустив к этому делу Дебору, поставила перед палачом чашку на блюде, придвинула сахарницу и молочник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.